

Борис Михайлов

Девчонка из
Самары покоряет
Рублёвку

Борис Михайлов
Девчонка из Самары
покоряет Рублёвку

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21618658
ISBN 9785448332340

Аннотация

Женский любовный роман об обитателях престижного пригорода Москвы, преуспевающих бизнесменах, представителях шоу-бизнеса, охотницах за олигархами, провинциалках, мечтающих получить всё и сразу. Среди героев романа читатель встретит известных личностей из московского бомонда конца 90-х – начала нулевых годов, хотя имена их, конечно, изменены.

Содержание

1	7
2	27
3	39
4	48
5	64
6	79
7	95
8	112
9	131
10	144
11	154
12	166
Конец ознакомительного фрагмента.	170

Девчонка из Самары покоряет Рублёвку

Борис Михайлов

© Борис Михайлов, 2016

ISBN 978-5-4483-3234-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Многие из нас часто дают себе слово с понедельника, или первого числа очередного месяца начать новую жизнь – отказаться от вредных привычек, заняться чем-то полезным. Например, сесть за изучение иностранного языка, по утрам делать физзарядку или бросить курить. И постоянно откладывают, находят себе оправдания. Мечтательницы начало новой жизни часто переносят на Новый год.

В грустный предновогодний день, я решила вычеркнуть из памяти, забыть всё, с чем жила, и начать жизнь с чистого листа. Собрала свои архивы – записи событий последних лет, мысли, разговоры с подругами, размышления о них и моих любимых, всё, что записывала на диктофон, отстукивала на компьютере. Первым намерением было сжечь эти свидетельства прошлой жизни. Неожиданно, в голову пришло, собранные в хронологическом порядке, мои записи – это история становление деловой женщины начала XXI века. Воз-

можно, кому-то покажутся интересными, а может и полезными. Прежде всего, мечтательницам, черпающим знание мира из глянцевого журналов, и читательницам, жалующимся на неудавшуюся жизнь. Но кому придет охота заняться моими материалами, привести их в удобочитаемый вид?

Посоветовалась с двоюродным братом – журналистом, может он оценит, вдруг, заинтересуют, попробует на их основе написать книгу. Это не Дневник, и, если записи разложить в хронологическом порядке, выстроится история моих приключений. Женщины не бедной, удачливой в делах и не очень счастливой в личной жизни. История, как предала своего первого возлюбленного и вышла замуж за богатого «нового русского». Через три года, при загадочных обстоятельствах он исчез, еще через три года вышла замуж за сына олигарха. После пяти лет, казалось бы, счастливой жизни, второй муж оставил меня. Жизнь в престижной Жуковке в Подмоскowie, общение с людьми моего нового круга, и я влюбилась в очередного богатого поклонника, сына олигарха. Всё шло к свадьбе, но неожиданно...

Брат долго читал, слушал записи, и в итоге согласился попытаться из разрозненных историй написать роман. К нашему обоюдному удивлению, книга получилась. Насколько будет интересна, судить читателю. Убеждал меня быть автором. Объяснял, у женских романов своя читательская аудитория, откровениям женщины поверят скорее, нежели сочинению мужчины. Я категорически отказалась, угрожая за-

брать переданные материалы и уничтожить. Объясняла, автором должен быть он, а, построить повествование можно от моего имени, такое нередко встречается в литературе.

Он так и поступил, оставил повествование от имени героини – Елены Комаровской. Многих личностей из столичного бомонда конца девяностых и начала нулевых годов, читатель узнает. Имена реальных персонажей, конечно, изменены.

Мы долго раздумывали с чего должна начинаться книга. С мрачных сегодняшних дней, чтобы не называть по – бунински, окаянных дней, заполненных проблемой курса доллара, неуверенностью в завтрашнем дне, разочарованием обещаниями власти? Или, как в сказках «жили – были», то есть с самого начала последовательным повествованием моих приключений.

В нашем споре с братом – будущим автором, точку поставил редактор в издательстве. Объяснил, чернухи в жизни достаточно без нашей книги. Началу следует быть оптимистичным, увести читателя от прозы жизни. Как голливудские фильмы времен депрессии.

Проснувшись, долго не могла сообразить, где я. Луч солнца, пробившийся между не плотно задвинутыми шторами, освещал волосатые ноги спящего голого мужчины, отвернувшегося к стенке.

Я попыталась рассмотреть его лицо, прокручивая в памяти события вчерашнего вечера. Имя вспомнить никак не удалось – Игорь, а может, Дима? Я тоже без ничего. Посмотрела по сторонам, ни ночнушки, никакой другой одежды в комнате не нашла. Не было и его одежды. Осторожно встала, стараясь не разбудить то ли Игоря, то ли Диму, и пошла в ванную. Неожиданно вспомнила, парня зовут Миша. В ванной, слава богу, висело несколько халатов, есть что накинуть. Поколебавшись, принять ванну или ограничиться душем, выбрала душ. Чтобы окончательно проснуться, начала с традиционного холодного. По утрам я обычно принимаю контрастный душ, потом, если позволяет время, долго нежусь в ванне. Сегодня ограничилась душем, влезла в халат внушительных размеров, и отправилась в путешествие по дому искать одежду. Покинув спальню, вышла в широкий коридор, посмотрела в окно и обомлела. За окном – море, у пирса пришвартованы десяток бело – голубых яхт, на рейде еще две большие белоснежные яхты – почти корабли.

Протерла глаза, проснулась, или всё продолжают сновить.

дения? Откуда в Жуковке море? Яхты не игрушечные, передо мной настоящее море, не бассейн. Посмотрела за окно еще несколько секунд и, не переставая удивляться, поняла, я не в Сочи и не в Крыму, а где-то за границей.

– Как здесь очутилась? Вчера в ресторане «Прадо» отмечали день рождения моей подруги – журналистки светской хроники Ланы Ветер. Ветер – псевдоним, настоящая фамилия вызывала бы постоянные вопросы, не дочь ли она известного банкира. Его имя у всех на слуху, а Лана не хотела, чтобы её воспринимали лишь как дочку известных родителей. В компании были одни женщины, Лана пожелала устроить вечеринку наподобие девичника. Позже, когда мы вдоволь наговорились, изрядно выпили, она позволила присоединиться нескольким молодым людям, близким знакомым. Они и привели с собой Михаила. С первой минуты он принялся клеить меня. Я не поддавалась. Лана шепнула: Михаил сын олигарха, сам почти олигарх. Главное – порядочный молодой человек, каких редко встретишь на тусовках.

Еще раз посмотрела в окно, не сплю ли? Нет, яхты у пирса стояли на месте, одна из дальних яхт – целый корабль, снялась с якоря и быстро удалялась.

Пока Михаил все еще дрыхнет в соседней комнате, решила найти одежду и выйти на улицу, разобраться, где я. Может, и он ничего не помнит? Прошла несколько шагов по коридору и встретила женщину средних лет, судя по одежде, горничную, она приветствовала меня на нормальном рус-

ском.

– Встали? Завтракать будете?

– Выпить бы чего – nibудь. Кофе.

– Вам в спальню принести?

– Спасибо, пройду в столовую. Что-то запомнятовала, как пройти, – соврала я. Собралась спросить, где нахожусь, но не решилась, – и так думает черте – что обо мне. Судя по всему, не приняла за проститутку. Хотя, кто ее поймет, вышколенная прислуга никогда не покажет своего истинного отношения и не задаст лишних вопросов.

– Меня зовут Катя. По возрасту пора бы Катериной Ивановной, в доме привыкли Катей. Вы тоже так зовите. Пойдемте, провожу.

– А меня Елена, – сказала я, и направилась за горничной. Столовая оказалась огромным залом, за длинным столом уместились бы человек двадцать, а то и больше. Оставив меня одну, Катя вышла, и я могла спокойно осмотреться. Два огромных окна выходили в сад, я подошла ближе и увидела перед домом восхитительную цветочную клумбу. Полы халата разошлись, и я вспомнила, под ним у меня ничего. Придется признаться, что не помню, где вчера разделась.

Вошла Катя с небольшим серебряным подносом с кофейником, кувшинчиком сливок, чашкой с блюдцем. Из-под салфетки желтел румяный бок круассана.

– Катя, я не запомнила, где вчера оставила свою сумочку и раздевалась.

– Сейчас принесу.

– Спасибо. Проводите лучше.

Мы миновали несколько дверей и остановились в одной из спален, Катя распахнула дверь, и я увидела на столе свою сумочку, а на спинке стула свое вечернее черное платье с высоко открытой грудью, в котором пошла на день рождения Ланы.

– Вы свободны, – сказала Кате, молча ждавшую меня. – Обратно дорогу найду. – Она повернулась и ушла. Я подняла платье, кроме него ничего в комнате не было. А комбинашка, бюстгальтер, колготки, трусики? Где все? Не было и моих новых туфель от Версаче, что только на днях купила за тысячу двести долларов.

Решила слегка позавтракать, потом разбудить Мишу и спросить, где одежда. В сумочке были карточки VISA и MASTER – CARD, в Греции ли я, или в Италии, купить одежду можно, но в банном халате не выйдешь, к тому же, еще на два размера больше!

Я вернулась за стол, налила себе кофе, разбавлять сливками не стала. Есть не хотелось, но круассан из-под салфетки так соблазнительно смотрел на меня, что не смогла не отломить кусочек. Он был великолепен, и я съела весь. Вернувшись в спальню, я сильно хлопнула дверью, и Миша проснулся, повернулся ко мне.

– Иди сюда! Чего рано встала? – Он привстал и протянул ко мне руки. Я не стала подходить, молча разглядыва-

ла того, с кем провела ночь. «Порядочный молодой человек, кого редко встретишь на тусовках» ... Был ли у нас секс? Не помню. Скорее всего, был, раз оба нагишом спали. – Иди ко мне, – повторил он. – Побалуемся поутрянке?

– С утра никакого баловства не признаю, извини. Скажи лучше, где мы находимся, – в Греции, Турции? Где моя одежда?

– В Ницце. Неужели ничего не помнишь? Проверяли паспорта, у тебя оказалось, что-то не так оформлено, пришлось заплатить, ты возмущалась, кричала, что недавно летала в Париж, и паспорт был в порядке.

– Правда? Не помню. Как могла кричать, французского я не знаю?

– По – английски.

– Так мы в Ницце? Мама родная! Как же ты умудрился привезти сюда?

– Ничего не помнишь? Набралась вчера! С вечеринки заехали к тебе, взяли загранпаспорт, и махнули на Чкаловский.

Миша завернулся в простыню и встал.

– Пойду в душ, и будем завтракать. – Он расстегнул на мне халат, обнял, поцеловал. – Красавица, моя! Пошли в душ! – Схватил за руку и потащил в ванную, я вырвалась. Настаивать он не стал.

– Хочу одеться, где всё?

Он посмотрел по сторонам, задумался.

– Неужели Катя унесла? – Подошел к громадному креслу

и отодвинул его. На полу валялись все наши шмотки – и мои, и его. Повесили на спинку и все свалилось. Миша вышел, я принялась одеваться. Надела трусики, бюстгальтер, короткую комбинашку, натянула колготки и тут же сняла. Сходила в соседнюю комнату за платьем.

Возвратился Миша и, увидев меня во всем выходном прикиде, бросился обнимать, я отбивалась. Никаких чувств я не испытывала, впрочем, и стыда тоже. Впервые со мной случилось, чтобы мужчина овладел мною меньше чем за сутки. Вечером познакомились и в ту же ночь постель. Как Кирилл начал изменять, особенно, когда не стал скрывать своих отношений с Эльзой, я изредка позволяла себе развлечься. Физиология требовала, но таких скоропалительных романов не случалось. Михаил осмотрел меня и вынес приговор.

– В этом наряде на улицу не выйдешь. Над русскими здесь и так смеются за дорогую и не ко времени одежду. – Помолчал. – У тебя, конечно, больше ничего. Пошлю водителя, купит шорты и маечку. На ноги что взять?

– Обувь для меня проблема. Сама должна выбирать.

– Пойдешь в лодочках на одиннадцати сантиметровом каблуке?

– Ты знаешь, сколько они стоят!

– В них в клуб, на вечеринку, а не на улицу в жару.

Он достал мобильник, вызвал шофера и распорядиться насчет одежды для меня. Я тоже вынула из сумочки свою трубку и набрала Софью Михайловну. На дисплее светилось

отсутствие сигнала.

– Семерку впереди набрала? – спросил Миша.

– Не первый год замужем.

Он взял у меня трубку, пощелкал кнопками и вернул.

– Роуминга нет. Возьми мою, позвони, – протянул свой мобильник.

Я предупредила Софью Михайловну, что осталась в Переделкино у Норы и вернусь в понедельник. Она передала трубку сыну. Игорек спросил, когда пойдем в зоопарк, ответила, что скоро, посоветовала слушаться бабушку и вернула телефон Михаилу.

– Свекрови звонила? – догадался он. – А надумает звякнуть?

– Ей все равно, где я.

Миша сел завтракать, я присела рядом, налила себе кофе, взяла еще круассан, намазала вареньем, и, наконец, смогла внимательно рассмотреть своего ночного партнера. Он был моим ровесником или чуть старше. Тридцать – тридцать три. Высокий открытый лоб, свидетельствовал о неординарности ума, карие глаза и постоянная улыбка делали его привлекательным. Пьяна была, а разглядела, что не урод, красивый мужчина.

– Твой дом? – спросила, когда он перестал жевать и наливал кофе.

– Родители арендуют, пока строим свой в Антибе. Отсюда 40 минут на машине. Выбрали Антиб, где полно русских. Бе-

резовский, Бронштейн, Леонид Рожецкий, много знакомых.

– Рядом с ними твои не будут выглядеть бледно?

– Папа всё учел. Наш дом и парк величественнее и больше чем у Березовского. Сегодня увидишь. Проект перепланировки заказали у питерских архитектора и специалиста по парковому ландшафту. Дом почти готов, уже можно представить, как будет выглядеть к будущей весне, когда строители закончат все работы. Собирайся, поедem, познакомишься с предками.

Спросила, всех ли случайно знакомых дам, представляет родителям. Михаил объяснил, что давно хотел познакомиться со мной, еще на свадьбе с Кириллом глаз положил. Я не помнила его. С моим мужем, оказывается, знаком. Пока Кирилл не ушел, а я не стала соломенной вдовой, Михаил не решался подойти.

– Обязательно надо было напоить? Мог найти традиционный способ знакомства. Теперь за кого меня принимаешь? Любительница выпить, готова в первую встречу к мужику в постель. Я не такая. Кстати, не спросила: ты женат? – Михаил покачал головой.

– Разведен.

– Герл – френд есть?

– Ты ревнива.

– Вот еще! Про меня все знаешь, а я про тебя ничего. Про отца твоего слышала – олигарх в алюминиевом бизнесе, правая рука Чорного и Дерипаски, часто мелькает в телеви-

зоре, дача на Николиной горе. Тебя на тусовках встречала, но представлены не были. Тоже алюминием занимаешься?

– Алюминием тоже.

– А чем не тоже?

– Сотовой связью, совместно с фирмой «Сименс», Интернетом в самолетах.

Пришел водитель Борис и принес мне новую одежду. Шорты, майку, кроссовки «Найк», белые носки, шляпу от солнца и офигенные очки. В Москве они стоят не меньше пяти сот баксов. В спальне переоделась, все оказалось на меня, словно сама выбирала. У меня стандартные размеры и все идет. Как раз были и кроссовки, а шорты просто блеск. Примерила итальянский купальник от Версаче. И он сшит будто на меня. В меру открытый, в меру скромный. В Серебряном бору девки извелись бы от зависти. Поблагодарила Бориса за великолепный вкус. Одно омрачало. Мой черный бюстгальтер просвечивал сквозь белую майку. Может снять и пойти без него? Попробовала одеть голубой с белой чайкой от купальника, тоже просвечивает. Вышла к Михаилу, натянув майку на голое тело. Он увидел меня и хлопнул в ладоши.

– Настоящий абориген! Не стыдно пройтись по Английской набережной.

– И родителям представишь в этом прикиде? Не пойду.

– Хорошо, пробежимся по здешним магазинам, прежде чем ехать. Выберешь, что по душе, хотя спортивный стиль

тебе идет. Поехали!

По пути он сыпал названиями улиц и площадей. Запомнила Гарибальди, площадь недалеко от дома. Покружили по узким и кривым улицам, выехали на широкую магистраль и остановились решить мои проблемы, Михаил привел в универмаг *Galerie Lafayette*. Взяли легкое открытое платье, бюстгальтер и босоножки за 99 евро. Я собиралась брать за 25 евро, Миша убедил взять эти от *Chanel*.

– В них принцессой Монако выглядишь. Отец будет в полном отпаде.

Пока примеряла платье, ему позвонили, и он долго разговаривал. Будь одна, застряла бы в шикарном торговом центре на весь день, но Михаил торопил на выход.

Уже на улице сказал, что звонил отец, приглашает на морскую прогулку. Нас ждут, следует поторопиться. Я все же настояла посетить косметический салон, привести в порядок голову. Мы прошли недалеко пешком и оказались на местном Арбате – улице Массена. Показалось, здесь я бродила с Кириллом, когда по пути из Сан – Ремо в Канны, останавливались в Ницце. Михаил отлично говорил по – французски и в косметическом салоне попросил за меня сделать что –нибудь с головой на скорую руку. Я, конечно, не поняла, что он сказал. Пообещав через час заехать за мной, исчез по своим делам. Едва он вышел, мастер на чистом русском спросила.

– Действительно, что-то на скорую руку, как сказал ваш

спутник, или приличную прическу сделать?

– На скорую руку? – переспросила я. – Ни в коем случае! Не привыкла на скорую руку. Вымойте и сделайте приличную укладку. И не спешите.

– Ваш молодой человек попросил уложиться в час. Не знаю, успею?

– Не торопитесь, я должна выглядеть хорошо. Мало ли что он сказал. Плачу я.

– Как говорят англичане, спешить не буду, но потороплюсь.

По моим обновкам – дорогому платью и босоножкам, браслету на руке, она вмиг оценила мою платежеспособность и старалась вовсю. Молодую мастерицу звали Натали, ее семья во Франции с 1920 года. Себя относит к четвертому поколению французских русских. Несколько раз бывала в России. Несмотря на небольшой французский прононс, говорила на литературном русском. Мы разговорились о моде, о косметике. Михаил приехал через полтора часа, к завершению укладки и похвалил. Уложенные в замысловатую прическу, волосы придали моему лицу аристократичность, платье и обувь делали из меня настоящую светскую даму, которой не стыдно показаться родителям моего похитителя.

– Принцесса, прямо! – воскликнул Михаил, покоренный моим новым видом.

– Повторяешься. Уже говорил.

– Постаралась, хотя к таким темпам работы не привык-

ла, – произнесла Натали по-русски. Михаил протянул ей три сотни и спросил:

– Достаточно?

– Я дам сдачу, – сказала она.

– Оставьте себе, – ответил Михаил и повел меня на выход.

В шоп – туре по магазинам он тоже не позволял расплатиться, везде платил наличными или предъявлял карточку. Мне это не нравилось, не привыкла быть зависимой даже в мелочах, и мы повздорили.

– Ты кто мне, муж? Любовник? Ни то, ни другое.

– Ты моя гостья.

В Ницце Халецкие снимали дом на границе старой и новой частей города. Все близко. Пляж, магазины, театр. Когда мы с Кириллом отдыхали в Италии и приезжали на Лазурный берег, Ниццы я не запомнила. Теперь с интересом смотрела по сторонам. Познакомиться с городом не удалось и на этот раз. Из-за задержки с прической, мы опаздывали в Антиб.

Спрятанный в глубине парка дом родителей Михаила, я увидела не сразу, он был окружен тенистыми аллеями, множеством цветочных клумб, перед домом, в солнечной радуге бил фонтан.

Особняк бывшего владельца был вычурным, мало приспособлен для жилья и приема многочисленных гостей. Поэтому родители и взялись за перестройку дома.

Михаил привел показать почти готовый первый этаж.

По мраморным ступеням мы поднялись в просторный холл с колоннами, в центре широкая лестница вела на второй и третий этажи. Осмотрели несколько гостиных, бильярдную, я заглянула в действующую ванную комнату с туалетом. Дальнейший осмотр прервал приход отца Михаила.

– Что ж ты прежде не заглянул к нам, не представил даму, а повел показывать не достроенный дом, – набросился он на сына.

Давид Осипович – настоящий светский лев с гривой седых волос, галантно поцеловал мне руки, и, взяв под руку, повел во двор к одноэтажному аккуратному домику, где меня встретила мама Михаила и пригласила к столу, накрытому к завтраку.

Инесса Серафимовна – молодящая особа неопределенных лет с гордой дворянской осанкой, держалась как знающая себе цену, чтобы не сказать, как королева. Дружелюбно улыбнулась мне, протянула руку, и я от волнения чуть не поцеловала, представив на секунду, что я на приеме у королевы, но вовремя опомнилась и слабо пожала. Она спросила, впервые ли в Ницце, что успела посмотреть. Я рассказала, что бывала проездом, ничего не видела, и спасибо Михаилу, привез показать город и покупаться.

– Жена сына Софьи Михайловны и Георгия Семеновича? – удивилась она, и сникла, услышав мое имя. – Михаил назвал вас родственницей Комаровских.

– Разве не родственница? – вступился за меня Михаил. –

Мама, пожалуйста, больше никаких вопросов к Лене. Упреждая дальнейшие расспросы, сообщаю: с мужем Лена давно не живет, развод в стадии оформления. Сменим тему.

Давид Осипович предложил что-нибудь выпить. Я спросила сок. Разговор зашел про общих знакомых, соседей по Жуковке. Родители хорошо знали Комаровских, были знакомы и с Валерием, первым моим мужем.

Миша шепнул, что отец с пониманием отнесся к моему приезду, а мама слишком старомодна, не следует обижаться на неё.

Я выпила сок, Михаил что-то поел и Давид Осипович напомнил, пора отправляться.

– Если на море, может, переодеться? – спросила я.

Инесса Серафимовна успокоила, переодеваться не обязательно. На «Альбатросе» имеются пляжные принадлежности для гостей. «Альбатрос» – яхта, догадалась я. С собой взяла лишь купальник.

На борту нас тепло приветствовали ее хозяин Николай Семенович Быков и его супруга Вера Сергеевна, пара значительно моложе родителей Михаила. Давид Осипович представил меня как новую пассию сына. Я собралась уточнить, что лишь недавняя знакомая, но передумала, пусть буду пассией. Плевать, что подумают. Конечно, в ближайшие часы Инесса Серафимовна выложил подруге всё, что знает про меня, а с Верой Сергеевной они подруги, я поняла с первой минуты после их жарких объятий и поцелуев.

Мне выделили отдельную каюту с противоположного от Михаила борта, мама побеспокоилась. Как он потом объяснил, предупредила, что не допустит в своем доме адюльтера сына со снохой хороших знакомых. Михаил пошутил, что мы не в доме, а на яхте в нейтральных водах, но Инесса Серафимовна шутку не приняла.

Все разделись и загорали на палубе, стюард и стюардесса в матросках разносили напитки, звучала меланхолическая итальянская музыка.

– Зайдем на небольшой частный остров, принадлежащий семье Бекасовых – нашим компаньонам, – объяснил Михаил. Анжела – их дочь с мужем живут в Жуковке, должна их знать. – Я кивнула, он продолжал. – Нас ждет барбекю из какой-то очень редкой рыбы. – Он что-то еще рассказывал о Бекасовых, я не слышала, рассматривая огромную красавицу – яхту, обходящую нас. Кто-то с нее махал рукой, мальчишка приставил развернутую ладонь к носу, дразнил меня. «Обставили вас». Меня это рассмешило.

Направляясь в открытое море, наша яхта шла вдоль восточного побережья полуострова. В огромный морской бинокль я рассматривала многочисленные дворцы и виллы, принадлежащие мировым знаменитостям и «новым русским», открывающуюся панораму Ниццы, залив Ангелов, с десятками небольших и величиной в целый теплоход, яхтами. Впервые видела Лазурный берег с моря. С каждой минутой «Альбатрос» все дальше удалялся от причала и вско-

ре открылся западный берег полуострова Антиб – Жуан-ле-Пен, знаменитая крепость на дальнем плане.

Высокое голубое небо, иссиня – бирюзовое море дополняли живую незабываемую картину, открывающуюся перед глазами. Волна счастья и непонятной радости переполняли меня. Хотелось кричать от радости: как хорошо! Редко, когда я чувствую себя так великолепно.

Подошел Давид Осипович, и отвлек от созерцания моря и далекого берега. Заговорили о красоте здешних берегов, что видела на Лазурном берегу, в каких музеях бывала. Сказала, что в Антибе только в музее Пикассо. В Монако, в княжеском дворце, в казино Монте – Карло, в Каннах в музее кино.

– В Антибе постарайтесь найти время посмотреть музей Наполеона и морской музей. Нигде больше нет такой богатой коллекции макетов старинных кораблей, картин на морские темы и разных предметов, связанных с морем.

Инесса Серафимовна позвала мужа, и прервала нашу беседу. Одна я оставалась недолго, подошел Михаил.

– Любуешься панорамой?

Яхта тем временем минула южную оконечность полуострова, и мы оказались в открытом море.

– Теперь можно посмотреть на Канны. Но вряд ли что увидишь, – заметил Михаил.

Держать в вытянутых руках тяжелый бинокль я скоро устала и отдала его Михаилу.

– Пойдем, присоединимся к родителям.

Родители Михаила, несмотря на возраст, в купальном одеянии смотрелись еще ничего. Давид Осипович по утрам бежал, в каждом доме имел спортзал и бассейн. Инесса Серафимовна держала нескольких массажистов, собственного косметолога и спортивного тренера – врача. Подробности выложил мне Михаил, когда мы улеглись загорать на водяных матрасах. Много лет назад слушала бы его, раскрыв рот, теперь не удивлялась. Массажистка и ко мне приходит, когда позову. В состоянии нанять врача – тренера и приобрести всё, что позволяют себе Халецкие. Конечно, у меня нет их миллионов, но и не мне жаловаться на бедность. После исчезновения Валерия – первого мужа, я осталась богатой вдовой. Квартира с обстановкой в Люблино потянет на два миллиона баксов с хвостиком, дом в Жуковке, оценен в три миллиона. В последнее время ощутимый доход приносит салон модной одежды, принадлежащий мне. От желающих купить его, нет отбоя. Хоть сегодня могут взять за восемьсот тысяч. Надумаю заняться другим бизнесом, надеюсь, сторгуюсь и за миллион.

Валерий приучил держаться наравных в любой компании, ощущать себя независимой. Сейчас, наслаждаясь приятным легким ветерком, несущим горячий воздух с арабских берегов, комфортом, окружавшим меня, подумала, а ведь и я могу купить яхту. Не такую огромную, но вполне удобную, чтобы пригласить подруг с мужьями и любовниками. Года три

назад, после отдыха в Италии, я завела с Кириллом разговор о яхте где-нибудь в Крыму или на Средиземном море. Кирилл не возражал, но ставил условие, чтобы всеми проблемами с будущей яхтой я занималась сама. Он слишком занят и ему не до яхты. «Хочешь яхту, давай купим, но меня не будешь напрягать решением многочисленных проблем, что будут постоянно возникать».

В те дни я занималась перестройкой салона и открытием бутика. Отец Кирилла открыл неограниченное финансирование, и вся организационная работа легла на мои плечи. Понятно, я наняла дорогого дизайнера, пригласила модного архитектора, работы поручила известной строительной фирме. Кому заниматься салоном было, однако и мне оставалось дел через край. Крутилась с утра до позднего вечера. Кирилл жаловался, мало уделяю ему времени, подруги обижались, перестала посещать девичники и посиделки. С детства привыкла любую работу делать добросовестно и вникать во все мелочи, требовала, чтобы нанятые помощники точно выполняли мои пожелания. Так что, и мне было не до яхты еще. К тому же у двух близких подруг яхты имелись. В Севастополе пришвартована яхта Ольги, у Ланы в Пирее, в Греции, и при желании, я с Кириллом или любовником, могли воспользоваться чужим гостеприимством. Против собственной яхты был и Георгий Семенович. Считает, не имеет смысла для трех – четырех месяцев в году держать собственную яхту, выгоднее снимать, брать напрокат.

Инесса Серафимовна тем временем поднялась и пошла в бассейн. Михаил, воспользовавшись отсутствием матери, принялся уговаривать пойти к нему в каюту, посмотреть, как устроился. Я ответила, что не любопытна и предпочитаю позагорать на палубе.

– Пошли, пока маман нет. Умираю, как тебя хочу.

– Это уже слишком. Насколько помню, не давала повода к такому предложению. За кого принимаешь? – возмутилась я. – Силком посадил в самолет, приволок в свой дом, воспользовался, что не в себе, изнасиловал. Кирилл узнает – обоих убьет.

– Никто тебя не насиловал. Рассказывай! И Кириллу наплевать с кем ты. Отлично знаешь.

– Знаю. В эти минуты где-то в Штутгарте или во Франкфурте с Эльзой.

«А Михаил ничего! Не знаю, правда, какой он любовник. Если ночью у нас что-то было, ничего не помню. Возможно, и не было. Неужели, уважающий себя мачо, позволит себе изнасиловать женщину в полной отключке? Посмотрим, как сложатся наши отношения, когда вернемся в Москву. Пока не собираюсь прыгнуть к нему в постель. Пусть побегаёт. Сутки не прошли, как познакомились. Баб у него, думаю, немало. Почему выбрал меня? Охмурить? С Кириллом уже не склеишь, развод проблема ближайшего времени. Даже если оставит Эльзу, приползет на коленях, жить с ним не буду. Сама подам на развод. Останусь одна до конца жизни, если

не заберу Ваню от жены. Он все еще любит меня, уверена. За олигархов и их сыночков замуж больше не пойду. Сама миллионерша. Выходит, нет смысла окучивать Михаила. Переспать ради спортивного интереса можно, но не так скоро, с лёта. Останемся друзьями, а там будет видно».

Надо отдать должное Михаилу, на мою неуступчивость не разозлился и продолжал оставаться милым и предупредительным. Мы лежали, загорая рядом, говорили о последних романах Пауло Коэльо. От жары скоро стало неважно, и я потащила его в бассейн. Он оказался совсем небольшим – метров семь в длину, у меня во дворе больше. Вода изумительная! Михаил объяснил, что при желании, в любом месте можно бросить якорь, спустить трап и купаться в открытом море. Бассейн просто для развлечений, освежиться после бани, не теряя времени на остановку. Долго плескаться в голубой воде нам не дали, пришел стюард и сообщил, что родители ждут нас в столовой.

Зал местного ресторана «Царские радости» напоминал интерьеры незабвенной «Санта – Барбары». Флористы и декораторы украсили его розами и тюльпанами, ромашками и лилиями. Колонны обвивали искусственные лианы и живые ветки цветущего кустарника. Ольга решила превратить ресторанный зал в копию своей оранжереи. Помогла хозяйка салона цветов в Раздорах Надя Новикова. К естественным запахам флористы прибавили еще парфюма. В итоге создавалось впечатление, что ты в вечернем саду, когда запахи особенно загадочны и сильны. Дорогие французские духи дам, меркли перед этим искусственным, ни на что не похожим, запахом. Гости – холеные мужчины и женщины, заходили в зал, целовались и обнимались с присутствующими, сыпали комплиментами.

Ольга отмечала тридцатитрехлетние. В коротком белом платье на бретельках, с высоко открытой грудью и бриллиантовым колье на шее, прикрытой кружевной прозрачной пелериной, она походила на невесту. Не хватало лишь фаты на умопомрачительном сооружении из светло – русых, с медовым оттенком, волос на голове. Муж сорока девяти летний олигарх, то и дело бросал на нее восхищенные взгляды, поворачивался к гостям с гордым видом, вот такая у меня молодая и красивая жена! Она и впрямь была красавица. Высо-

кая, стройная, давала сто очков вперед бывшим и нынешним топ – моделям, подругам, приглашенным на день рождения.

С Николаем Петровичем Ларионовым Ольга познакомилась в Швейцарии, куда приехала переводчицей у первого заместителя Вольского – Председателя Совета промышленников. Она только – что разошлась с мужем – ученым. Он оказался не в состоянии создать достойные её условия существования. Жизни, о которой мечтала, с которой сталкивалась постоянно, сопровождая иностранцев в ночные клубы и казино, на выставки и презентации. После Университета Ольге посчастливилось устроиться в «Интурист», и она зарабатывала больше мужа, от богатых туристов перепадали дорогие подарки. Муж Валентин преподавал в двух ВУЗах, а они продолжали жить, по словам Ольги, в нищете. Быт с первых дней замужества подтачивал любовь, ярко вспыхнувшую на последнем курсе между студенткой и преподавателем. Любовь медленно сходила на нет. Ольга не заметила, как, однажды, уступив ухаживаниям преуспевающего красавца – промышленника из Штатов, приехавшего облапошивать русских, не стала отказывать и другим богатым иностранцам, домогавшимся её. К этому времени уже не водила группы туристов по музеям, а работала по индивидуальным заявкам фирм и представительств, которые не хотели или не имели возможностей держать переводчика в штате. В Куршевеле ее заметил преуспевающий «новый русский», как оказалось, олигарх. Банкир, на жизнь старше её,

сделал своей любовницей. Ольга вскоре сообразила, что папика можно и окольцевать. Не знала тогда, что у него куча детей, и он продолжает заботиться о своих прежних семьях.

Муж – ученый узнал об изменах жены, и они тихо развелись, Ольга переехала к родителям, в надежде на замужество с Николаем Петровичем. План удался.

Прошли первые счастливые годы беззаботной жизни, и Ольга начала тяготиться папиком. Сказывалась разница в интересах и возрасте. Как-то, в минуту бурного выяснения отношений, она заявила, что заберет Эдика и уйдет. Как муж вспылил! Грозился не отдать сына, что сотрет в порошок, что любит ее, как никого в жизни не любил. Однако изредка изменял Ольге. Она тоже теперь не терялась, когда представлялся случай. Так они и живут восьмой год, соблюдая статус-кво.

Всех этих людей, что собрались сегодня в ресторане, встретишь на экономическом форуме в Давосе или на горнолыжном курорте Куршевеле, в Каннах, – прокомментировала строгость охраны Маша.

Николай Петрович опасается за свою жизнь, и где бы ни появлялся, предпринимал беспрецедентные меры безопасности. Посети вдруг вечеринку Президент, охраны в ресторане, наверняка, было бы меньше. Приглашения проверяли при входе, затем в зале. Люди из охраны постоянно бродили среди гостей, мешали танцующим.

Блиzkих подруг: меня, Машу, Лилу и Женю, всех с му-

жьями, Ольга посадила близко к себе, чтобы иметь возможность общаться. Родители и родственники разместились далеко от юбиляра. Кирилл ради мероприятия оставил свою немку и сидел рядом, ухаживал за мной, как добропорядочный муж. Посмотришь на нас, и не поверишь, что давно не только не спим вместе, но и не живем под одной крышей.

Стол ломился от всевозможных деликатесов, батарей напитков. Гости долго ожидали команды Николая Петровича. Дождавшись, когда все, наконец, расселись, обменялись впечатлениями, муж Ольги встал. Поблагодарил гостей, оставивших дела, чтобы поздравить его жену, и объявил тост за новорожденную.

Гости лениво начали вставать, гремя стульями, выпили; обменялись взглядами с Ольгой и взялись за еду. Десяток официантов с подносами забегали взад – вперед, меняли тарелки, приносили новые блюда. Мужчины из окружения Николая Петровича завели разговор об инвестициях и прибыли. Выбившийся из грязи в князи, Ольгин муж не знал, где и о чем следует говорить. Я про себя отметила, в семье Кирилла никогда за столом на званых обедах не заводи́ли профессиональных бесед. Говорили больше о горных лыжах и европейских курортах, собаках и машинах, одним словом, обо всем, что интересовало присутствующих, и все могли принять участие в беседе.

Пока мужчины продолжали решать экономические проблемы, спорили, долго ли еще евро будет обгонять доллар,

мы с подружками обсуждали, кто во что одет. Маша, больше нас читающая, вдруг сообщила ошеломляющую, как посчитала, новость.

– Девчонки, вы знаете, что все женщины по типу делятся на четыре времени года? Весна – блондинка Ольга, наша рыжеволосая Женя – осень, Лиля брюнетка – зима. Елена, с ее светло – пепельными волосами и зелеными глазами – лето.

– Какая я рыжая? – возмутилась Женя, перекрасившая на днях волосы.

– Ладно, будь каштановой – все равно осень. Так вот, слушайте, подбирать одежду следует в зависимости от цвета волос, типа кожи лица и общего облика, соответствующего вашему времени года.

– Вау! Открыла Америку! – перебила её Лиля.

– Разумеется, каждая из нас подбирает то, что больше идёт. Но англичане разработали научный подход в этом вопросе. Называется он «relooking» – пересматривать внешность и стиль заново. Ошибка брать вещь, которая нравится сама по себе, а не в комплекте с цветом и типом лица.

– Релукинг различает четыре цветовых типа женщин: теплые – весна и осень, холодные – зима и лето. На первый взгляд, типаж виден сразу, на самом деле все не так просто.

Лиля перебила словоохотливую преподавательницу, привыкшую читать лекции, делиться прочитанным.

– Спасибо. Всем нам определила время года. Цвет лица, что-то новое, – не сдалась Лиля. – Не только цвет, но и осо-

бенности разреза глаз, строение губ и носа, – все это любая женщина учитывает, приобретая себе одежду. Твоим англичанам нечем удивить людей, вот и придумывают заумные объяснения. По темпераменту я никак не соответствую зиме, скорее, как Ольга «весна».

– Тоже по темпераменту весна, а не осень, – обиделась Женья.

Я не приняла всерьез классификацию Маши, и не знала, соглашаться, что отношусь к лету, или нет. Все мы постоянно сексуально озабочены и должны бы относиться к весне, если на то пошло.

Маша, пояснила, что темперамент не принимается во внимание, и продолжила цитировать, почерпнутое из книги.

– «Relooking» утверждает, к лицу подходит не просто цвет как таковой, а его оттенок. Правильно подобранный оттенок, молодит на 15 лет, – считают англичане. Если кожа имеет теплый цвет, медовый оттенок, а ты наденешь одежду холодных тонов, вид будет усталый, станешь выглядеть старше своих лет.

– Заблуждение считать черный цвет универсальным, подходящим всем. Он идет очень мало кому. Лишь холодная женщина – «лето» может смело одеваться во всё черное. Ле-не черное идет. А если ты, Оля, захочешь надеть черное, то постарайся оживить себя цветными аксессуарами, ярким шарфом, бижутерией.

– Заумь какая-то! Черное всем идет, блондинке в первую

очередь, создает контраст, – вынесла свой приговор Женя. – Как я определяю, какое у меня сегодня лицо – холодное или теплое? А цвет! Его оттенки меняются от настроения в течение дня и ночи много раз. В зависимости от крема, масок, водных процедур. Что говорить про актрис, когда они всегда накрашены, загримированы!

– Девочки, я тоже слышала о разработках англичан, – вклинилась в спор, долго молчавшая Ольга. – Моя визажистка рекомендовала салон Веры Поскребышевой. Она член Британской федерации специалистов по релукингу. Консультирует по имиджу, индивидуальному подбору одежды. Обещала найти ее телефон. Что касается черного, я солидарна с Женей. Мне всё черное идет.

– Послушайте лучше, что предлагает Лида Петрова. Вчера в ресторане «Веранда у Дачи» пристала к нам с Варей.

– Какая Петрова? Толстая старушка, что когда-то вела на телевидении заумную передачу? – переспросила Лиля.

– Она. Уговаривала записаться в «антивозрастную группу» на ее тренинги «Уметь радоваться». Я ей: нам до тех «Кому за сорок» еще далеко. Тогда, говорит, приходите на эротический семинар «В сексе главное – близость, а не оргазм». Считает, всем нам для полноценной сексуальной жизни необходимо посещение семинара.

– Лиде есть чем поделиться. Муж на 40 лет моложе, – заметила Лиля.

– Будь старше, полюбопытствовала бы, – подключилась

к спору Ольга.

– Книг на эту тему тьма, – снова заговорила Маша. – Кто желает просветиться, приходите, подберу. От маркиза де Сада до Кама сутры.

Эта светская болтовня, как считали её мои подруги – богатые бездельницы, могла тянуться часами. Мне она быстро надоедала, если не слышала для себя полезного или по-настоящему нового. Все гламурные и косметические издания я просматривала. Не читала, правда, как Маша, от корки до корки, но в курсе новостей была.

Маша, коренная москвичка, кандидат наук, преподавала социологию в МГУ. Поглощенная наукой, до двадцати девяти лет не торопилась замуж. Любовники были с первого курса, но в отличие от подруг, спешивших выскочить замуж, целью поставила защитить кандидатскую, возможно и докторскую, а уж потом думать о создании семьи. Планы сумела претворить. Работая уже над докторской, познакомилась с сорокалетним профессором Валентином Морозовым и впервые по – настоящему влюбилась. Заставила развестись с женой и женила на себе. Через год родила очаровательную Вику. Муж, будучи проректором института, в перестройку сколотил приличное состояние, позволившее оставить первой жене квартиру и авто. Себе с Машей приобрел современный таунхаус с небольшим участком в Жуковке – квартиру и дачу в одном флаконе, как окрестила свое жилище Маша. От молодой жены потребовал всю себя посвятить ре-

бенку, забыть о докторской диссертации. Праздная жизнь, тусовки, шопинги с подругами пришлись Маше по душе, она перестала мечтать о возвращении к преподавательской работе. Валентина продолжает любить, но от прежней привычки менять мужчин отказаться не смогла. Уже на третий год совместной с ним жизни, завела первого любовника. Вечеринки, ночные клубы, посещать которые Валентин Алексеевич не любил, собственный «Ситроен» способствовали все новым и новым знакомствам.

Сама Маша доброй души человек, всегда помнит и заботится о других. Сегодня первая спросила о здоровье моей мамы, попросила передать привет и сказать, что молилась за её исцеление. Она искренне сочувствует мне, следит за ходом болезни мамы, была у неё в больнице. Подруги знают, что я привезла из Самары маму и положила в Каширку с диагнозом рак.

В Москве диагноз подтвердили. Из бесед с врачами, я знала, надежды на выздоровление нет. Постоянно ездила к маме, разговаривали по телефону много раз в день. Вопрос Маши напомнил, что сегодня не нашла время съездить.

С большинством сегодняшних подруг я познакомилась, когда еще не жила в Жуковке. Переехав в Москву, Валерий, без оглядки ринулся в московскую светскую жизнь, увлекая и меня. Без проблем вписался в завсегдатаи московских тусовок, мне было сложнее. В Самаре я вела скромный образ жизни, кроме дискотек и нескольких ночных клубов ни-

где не бывала. В Москве каждая новая тусовка прибавляла знакомых, а затем и подруг. Своим капиталом и связями с сильными мира сего, Валерий не уступал мужьям новых подруг. Вопреки ожиданию, к нам отнеслись доброжелательно и приняли в свою среду. Позже поняла, чем поселки и дома ближе к знаменитому шоссе, тем их жители демократичнее, точнее, – без спеси своей принадлежности к элите и старой интеллигенции. До Ельцина в этих краях селиться не разрешали, и большинство рублево – успенского народа живет здесь сравнительно недавно, к новоселам относится в зависимости от их счета в банке. Иное отношение у старожилы Николиной Горы, Архангельского или Переделкино, где, прежде чем остановиться на Жуковке, мы с Валерием выбирали себе загородный дом.

Первое время за спиной меня частенько называли провинциалкой, хотя большинство обитателей элитных поселков тоже родились не в границах Садового кольца, а москвичи в первом поколении. Ворвались в большой бизнес или во власть, и поторопились приобщиться к новой элите. Приезжим это часто удается легче, чем москвичам, денег немерено, могут позволить себе купить самую дорогую в мире землю, а то и готовый дом на Рублево – Успенском шоссе.

До Жуковки мы приобрели квартиру в городе. Не в центре ради престижа, как советовали нам, а в новом доме в Люблино на берегу восхитительного пруда. Вокруг много зелени, рядом старинные парки с прудами и озерами, речушка

Пономарка. Места эти, когда-то принадлежали графу Голицыну. Валере очень понравилось все вокруг.

Бывая в гостях у новых подруг на дачах, точнее в загородных домах, я загорелась идеей и нам построить дачу где-нибудь рядом с лесом, речкой в престижном пригороде.

– Мы, разве не в пригороде? Тишина, чистый воздух, тридцать минут и в центре, долго колебался Валерий, решая начать строить или приобрести готовый особняк, что слишком дорого. В итоге раскошелился, и купили приличный дом в Жуковке с небольшим участком. Встал вопрос – сохранить теннисный корт или удлинить бассейн. Ни я, ни Валера в большой теннис не играли, только в пинг-понг, остановились на бассейне.

...Начались танцы, и я пригласила Кирилла, необходимо было поговорить. Он с видимым удовольствием встал из – за стола, наклонился надо мной, отодвинул стул, помог подняться. Всем своим видом муж демонстрировал самое заботливое и трепетное отношение ко мне. Счастливейшая пара!

Оркестр играл старую медленную мелодию и, танцуя, можно было разговаривать.

– Как будем жить дальше? – спросила я.

– Что имеешь в виду? – Кирилл прикинулся не понимающим.

– Женишься на Эльзе, или родители ее не позволяют?

– Ты вот о чем! Тему обсуждали, я люблю вас обоих и не смогу без тебя. Было бы принято в обществе иметь двух

любимых! – произнес мечтательно, и я не поняла – шутит, или серьезно. – Жили бы все вместе в мире и дружбе.

– Оформим развод, и переходи в ислам. Нынче модно. Дальше я так не могу, вся Москва чешет языки о наших отношениях. Кто я не понятно, соломенная вдова, брошенная жена и невестка олигархов, которым наплевать на общественное мнение?

– Ты моя любимая жена! Никому тебя не отдам! А с Эльзой... Может, пройдет у меня. Не в силах перебороть себя. Понимаю, ставлю тебя в неловкое положение.

Определенно, он не желал серьезного разговора.

– Отпусти меня и женись на Эльзе, все проблемы решатся. Я тебя больше не люблю, и Эльзу не прощу. Останемся друзьями. Родители твои успокоятся, будут рады породниться с могущественным семейством.

– Если бы все так просто! Не дам я согласия на развод.

– Извращенец! – возмутилась я, и перевела разговор на другую тему. – Утром, поедем к маме? Давно тебя не видела, спрашивала.

– Завтра у меня весь день занят, ни минуты свободной.

– С мамой встретиться стыдно, вот и придумываешь отговорку.

– Два дня назад вместе ездили. Бывать в больнице не люблю, знаешь, а завтра, правда, работа.

Оставаться соломенной вдовой и давать повод окружающим чесать языки о наших непонятных отношениях, надое-
ло. С Кириллом надо решать. Знакомые постоянно интере-
совались, спрашивали о планах. Лана советовала гнать Ки-
рилла в шею, другие убеждали терпеть, все равно лучшего
отца Игорю не найду, а он поблядует и вернется.

Валерий оставил состояние, позволяющее вести безбед-
ное существование. У меня свое дело, я молода, энергична,
сидеть без дела не привыкла. Тридцать только – что испол-
нилось, меня осаждают мужики. Выйти замуж в третий раз
не проблема, но сказала себе: всё! Никаких замужеств!

Кирилл тем временем опять был в Германии. Когда я при-
шла к его родителям за Игорьком, мать сообщила, что зво-
нил Кирюша и сказал, дела фирмы задерживают еще недели
на две.

– Ценю вашу деликатность, Софья Михайловна. Прекрас-
но знаете, какие дела задерживают, Эльза, – ответила я.

Мама Кирилла обняла меня, прослезилась.

– Ума не приложу, что делать с ним. Окрутила немка!
Стыд и совесть оба потеряли. Ты знаешь, как мы любим те-
бя, Игорька. И он тебя любит, а сам...

– Я предлагала разойтись. Не хочет! Говорит, люблю те-
бя. Успокаивает, что наваждение пройдет, оставит её. Мне

ждать? Сколько? Женщина я самостоятельная, вы знаете, не бедная. Подниму Игорька и сама, без его помощи. Будем разводиться, другого выхода не вижу. Соседи смеются, дважды соломенной вдовой зовут.

– Леночка, не спеши, потерпи немного. Отец послезавтра летит во Франкфурт, поговорит с ним серьезно и привезет. Мы сами не понимаем сына. До двадцати пяти девушки его не интересовали. Беспокоиться начали за сексуальную ориентацию. Еще учился в Академии, весь был в отцовских делах, а получил диплом, полностью погрузился в дела. Сколько красавиц – дочерей наших друзей бывали в доме, пытались познакомить, так и не выбрал никого. Не понятно, как ты околдовала. Обещай в ближайшие дни не предпринимать никаких шагов с разводом! Подожди еще немного.

Я забрала Игорька, посадила в машину, и в семнадцатый раз за последний год поехала в зоопарк. В дороге Игорек рассказывал сказку про Маленького Мука, которую прочитала бабушка, а я отдалась своим мыслям. Сын понял, сказка меня не интересует и начал приставать с разными вопросами. Спрашивал, а где папа. Что я могла ответить? Сказала, уехал по делам. Работает, пришлось объяснить, что мужчина должен часто уезжать из дома. На его вопросы, отвечала не всегда по делу, часто невпопад. Мысли занимал вопрос, который задавала себе не в первый раз. Сколько еще терпеть двусмысленность отношений с Кириллом? У меня есть гордость. Сегодня же позвоню Науму Михайловичу, на-

шему юристу, посоветуюсь.

У зоопарка долго искала место, где припарковаться, хотя знала все подъезды и переулки вокруг. Игорек нетерпеливо тащил к зверям. Только поставила машину, рядом оказался сержант, козырнул и спрашивает:

– Вы не видите знака «Стоянка запрещена»? – Настроен агрессивно, видно недавно из деревни, со злостью относится к владельцам иномарок. Объясняться бесполезно, я сразу открыла сумочку, достала купюру в пять баксов, и вместе с документами протянула милиционеру. Сержант внимательно посмотрел на меня, соображая, что за дамочка, не подстроит ли чего. Осторожно вынул купюру и вернул документы.

– Пожалуйста, не больше часа. Я скоро сменяюсь, другие обязательно составят протокол.

Я улыбнулась ему, схватила Игоря за руку и потащила к кассе.

– Посмотрим, как кормят тигров, – попросил он, и я покорно повела его к вольерам с хищниками. Сын угадал, у зверей было обеденное время. Вокруг клеток толпясь взрослые и дети, наблюдая, как облезлый тигр терзал тушку какого-то животного. Мне противна эта жестокая картина, протолкнув Игорька к самой решетке, смотрела только на него, чтобы не перевалился через ограждение. От тигров пошли ко льям. Не люблю я зоопарк, жалею бедных зверей, томящихся в неволе.

– Птичек сегодня смотреть не пойдем, – объявил сын. Я

вздохнула, слава Богу, можно возвращаться. В зоопарке проторчали не час, как собиралась, а все два, и сержант, что милостиво разрешил стоять под знаком, сменился. У машины меня ждали два других милиционера.

– Мы вызвали эвакуатор, – встретил с улыбкой старший из них.

Вступать в пререкания себе дороже. Вытащила зеленую десятку и протянула им.

– Приедут эвакуаторы, – передайте на горячее.

– Будем составлять протокол, – произнес второй, подержал в руках купюру и вернул. Видимо, десятки на двоих показалось мало.

– Ребята, у меня с собой больше нет. – Я быстро спрятала портмоне. – Если мало, поехали в отделение. Там составим протокол.

– Ладно, давай! В следующий раз так легко не отделаешься.

Приглашение ехать разбираться в отделение, как правило, отрезвляло мздоимцев, и я часто пользуюсь таким приемом. Помог и в этот раз. Милиционеры взяли десятку и посоветовали быстрее сматываться, заодно выучить дорожные знаки.

Дома я накормила Игорька и уложила спать, сама тоже легла в надежде заснуть. Сон не приходил, мысли о разводе не оставляли. Ну, разведусь, дальше что? Опять, как после исчезновения Валерия, оставаться одной или выскочить снова замуж? Нет, замуж больше не заманишь! Вспомнила вче-

рашнюю статью в женском журнале, автор призывал влюбленных не торопиться регистрировать свой брак, доказывал преимущество свободной любви. Можно жить вместе, или регулярно встречаться. Верность без гарантий и преданность без обязательств. Главное, не изменять друг другу. Делить постель, радости и печали, может вместе вести дом, отдыхать, посещать всякие тусовки, не отказываясь от мечты, что лучшая жизнь и большая любовь еще впереди. В поддержку мысли приводилась цитата из Ремарка «Жизнь слишком коротка для одной любви». Согласна с Ремарком. Коротка! Попыталась вспомнить, из какого романа выдернута цитата, и не вспомнила, хотя сравнительно недавно прочитала все его романы, что были у Комаровских – старших. Ремарк прав, свободная любовь привлекательна, однако, отношение окружающих к замужней женщине и свободной совершенно разное. Заметила, как сократились приглашения на семейные торжества и вечеринки, когда ушел Кирилл. Оно и понятно, хозяйки тревожились за мужей. Софья Михайловна, вероятно, права, спешить с разводом не стоит. Полезнее оставаться в статусе соломенной вдовы.

Кирилл, понятно, ведет себя хамски, не скрывая увлечения немкой. Я лучше, изменяю ему, не афишируя? Любопытно, выйди я замуж по любви за Ваню, возникали бы желания познать другого мужчину? Вопросы, вопросы... Мама или кто-то из самарских подруг, получи возможность прочитать мои мысли, сказали бы – с жиру бесится! Жила бы

от зарплаты до зарплаты, как большинство людей, работала, не оставалось времени на самокопание. Но я работаю! В салоне у меня два десятка человек. Работаю сама и другим даю работу. Не тунеядка, как Ольга или Лилька, не сижу на шее мужа, сама зарабатываю. Им всё не нравится в окружающем мире, а я не довольна лишь собой. И виновата сама! Не послушалась зова сердца, уступила настояниям мамы, предала Ваню. Вот и расплачиваюсь за свою ошибку.

Не ответив себе ни на один из мучивших вопросов, я задремала. Приснился Валерий. Он признался, что выполняет секретное поручение, от результата зависит судьба России, всего мира. Потому не вправе позвонить и предупредить, что исчез на некоторое время. Кирилл, сказал, прощаю, брак с ним аннулируем, пусть женится на Эльзе, Игоря усыновлю. В самый интересный момент, когда Валерий собрался все же рассказать, что за поручение выполняет, и когда его ждать, разбудил Игорек.

– Мам, кончай ночевать! – задергал он, приговаривая любимое выражение Софьи Михайловны «ночевать».

Я посмотрела на часы. Половина пятого. Около часа дремала. Пожалела, что не досмотрела сон. Приснится же! Фильмы про разведчиков и фантастику давно не смотрела, не люблю. Ученые утверждают, сон отражает события реальности. Какая тут реальность и как понимать сон? Валерий давно не снился. Спрошу Машу, она всё знает. Запел мобильник. Мама спрашивала, приеду ли к ней вечером.

– Как себя чувствуешь? – спросила я.

– Все также. Скоро освобожу от лишних забот.

– Зачем ты так, мама! Понимаю твои страдания, тебе плохо, но зачем вымещать на мне! Утром была у тебя. Завтра приедем с Игорьком. Сегодня возможно Софья Михайловна с Георгием Семеновичем заедут. Они собираются в Черта-ново.

– Чувствую, Алена, сегодня – завтра всё кончится! Совсем плохо.

Игорек подошел и попытался вырвать трубку, она упала, я подняла, стукнула его по руке.

– Я с бабушкой больной говорю. Садись кушать.

– Хватит говорить. Обещала, после дневного сна пойдем в гости к Саше. У него новая игра, сказал по телефону.

– Пойдем, только вначале творожок съешь и сок выпей.

– Не хочу кушать! – закапризничал сын. – Перед сном кушали.

– У бабушки с дедушкой после сна тебя не кормят? Пока не съешь творожок, тут всего две ложки, никуда не пойдем.

Продолжая говорить с мамой, другой рукой доставала из холодильника творог, сметану.

Замучила мама звонками и всегда в самое не подходящее время. Соседку ей в палату перевела разговорчивую, чтобы было с кем коротать время, телевизор привезла. Плачу сестрам и нянечкам, и надо отдать им должное, все они терпеливо выполняют ее капризы. Сама бываю каждый день, а ино-

гда и два раза, хотя ехать из Жуковки в Каширку не ближний свет, и по пути психую в десяти пробках.

– Завтра приходи без Игорька. Поговорим напоследок серьезно. Откладывала этот разговор всю жизнь. Позже приведешь священника, пусть исповедует. Марья Васильевна, соседка по палате, убедила причаститься, попросить прощения за земные грехи. Их у меня, не представляешь, сколько!

– Причащаться рано. На кой тебе священник – всю жизнь была воинственной атеисткой. – Мама не дала договорить, перебила.

– Так воспитали. В душе всегда верила, есть кто – то выше нас, кто всем распоряжается на земле.

– Мама, перестань! Вчера только с заведующим отделением разговаривала. Не всё так плохо. Рано думать о причастии.

– Так и не вселив в мамино сознание оптимизма, мы попрощались.

– Игорь похныкал и, давясь, всем своим видом показывая отвращение, съел творог, к булке не притронулся. Кое-как уговорила выпить чашечку сока, и начали собираться в гости в соседний дом к Варе. Её Сашке тоже три года и мальчишки, едва научились говорить, постоянно звонят друг другу, часами занимают телефон. Благо у всех нынче еще мобильники.

Позвонила Варе, спросила, ждет ли нас.

– Сашуля уже замучил. Когда Игорек придет? Не задер-

живайтесь!

Я помогла Игорьку одеться, и мы пошли в Варе Матвеевой.

Наши дома с Варей разделяет невысокий забор, знаю ее с первого дня, как перебралась в Жуковку. Вместе ездили в женскую консультацию, одна врач приходила к нам перед рождением сыновей. И родили почти в одно время, с разницей в две недели. Сначала Варя, потом я.

Долго считала, всё знаю о ней, пока однажды подруга Лана, не просветила о прошлом Вари. Как-то мы заехали в небольшой ресторан «Мария» на Тишинке, и Лана показала на довольно потрепанного, лысоватого мужчину в очках, лет пятидесяти, окруженного тремя длинноногими красавицами.

– Не знакома, с Пашей?

– Я покачала головой.

– На какой-то вечеринке видела в Париже или на Лазурном берегу. Не помню. Француз?

– Русский француз. Павел Листман – известный светский сводник, бывший соотечественник, получивший французский паспорт, и постоянно околачивающийся вокруг богатых русских.

Лана кивнула ему, он улыбнулся и махнул рукой в знак приветствия. Навстречу не поднялся, хотя, обычно Лане оказывали самые учтивые знаки внимания. Светская тусовка любит и побаивается Лану. В своей газетной колонке властна

прославить или уничтожить. Часто раскрывает закулисные тайны представителей шоу – бизнеса, личные секреты звезд. Равнодушие Паши удивило.

Он тем временем оставил свой столик и пересел к двум модно и дорого одетым мужчинам не первой молодости, с самодовольным видом, тянувшим martini со льдом. Сразу же завязался разговор, хозяева столика постоянно крутили головами в сторону девиц, с которыми только – что сидел Паша.

– Уговаривают познакомиться, – объяснила Лана. – Новые русские второго эшелона. Для аристократов Паша подбирает подружек в более престижном месте. Топ – моделей своих показывает на Ривьере, в Лондоне или Париже на светских приемах, куда вхож. Моя коллега в «Экспресс – газете» писала, что до Паши, будь ты трижды олигарх, если приспичило трахнуться, вынужден, как рядовой браток ехать на Тверскую. Теперь деловые люди в случае необходимости обращаются к нему, Паша предложит на выбор несколько десятков вполне интеллектуальных красоток из модельных агентств.

– Топ – модели соглашаются?

– Как объясняет коллега, бизнесмены платят Паше не за секс услуги, а за знакомство с моделями. Девчонки не догадываются, что их продают. С радостью принимают приглашения поужинать в престижном обществе, где их осыпают подарками, красиво ухаживают. А лечь ли с «папиком» или только поматросить», решать предстоит самой.

К Паше у бизнесменов в этом случае претензий нет, однако, он всегда в курсе, и от особо несговорчивых подопечных извлекается.

– В Москве Паша находит перспективные модели и переманивает в свое агентство в Париже, придает им европейский лоск, помогает пробиться на страницы модных журналов, а потом поставляет на закрытые вечеринки «новых русских».

Мы заказали по чашечке кофе. Лана ненадолго оставила меня, пересела к молодому человеку, помощнику Паши, сидевшему за соседним столиком с открытым ноутбуком. Недолго побеседовав, вернулась. Я спросила, почему не обратилась к самому Паше.

– Мы вчера пообщались, сегодня уточнила некоторые детали. Паша мне все, что хотел, сказал. Вытянуть еще что-то бесполезно.

– А общаться с помощником на виду у шефа, полезно?

– Он рекомендовал побеседовать с Вадиком.

– Так это Паша сосватал Лильку Герману, а Варюху депутату Матвееву? – спросила Лану, вспомнив давний разговор с Лилей, как модели знакомятся с новыми русскими.

– Он. Лилю нашел в Париже, а Варю, Паша вначале перетаскил от Юдашкина в Париж, помог попасть на обложки журналов. Вместе с другими моделями возил на приемы и вечеринки русских олигархов и политиков.

– Теперь понятно, почему злые языки болтают, что Ми-

хаил Сергеевич купил Варю у владельца французского модельного агентства.

– Думаю, не совсем так. Оказавшись на одной с Матвеевым тусовке, она влюбилась в него. Возможно, и не подозревала, что ее с подругами привезли развлекать новых русских. В отличие от других депутатов, Михаил Сергеевич очень порядочный человек. Седьмой год вместе и всё еще влюблены.

– На Рублевке много бывших моделей. Послушать тебя, все они прошли через контору Паши?

– А ты как думала? Будь ты красавица из красавиц, твои фотографии на обложках журналов, всё равно охрана не подпустит тебя к олигарху или депутату. Вот девчонки и платят, спят с Пашей, чтобы взял в свое агентство и устроил встречу с олигархом.

– Ни за что не согласилась бы. Пожелала бы познакомиться – нашла способ.

– Когда свекра принимают в Кремле и фамилия Комаровских на слуху, верю.

Варя с Сашей ждали нас у калитки. Мы обменялись поцелуями, а дети побежали вглубь двора.

– К бассейну не подходите! – крикнула Варя и повела в сад к кустам с оставшейся еще ягодой черной смородины. У нее, одной из немногих, вместе с декоративными растениями на участке росли кусты крыжовника и черной смородины, которыми она страшно гордилась. Сама за ними ухаживала, в этом году собиралась посадить вдоль забора малину.

После рождения Сашки Варя немного сдала, вышла из стандартных размеров модели. Сегодня трудно поверить, что несколько лет назад ее фигура украшала журналы «Elle», «Vogue» и «Fashion Collection». В последнее время она активно занимается собой, делает зарядку, ежедневно плавает в своем десятиметровом бассейне, выполняет упражнения на доске и крутит педали. От лишних килограммов избавилась, но вернуться к прежним размерам вряд ли удастся. Уговаривает меня с нового года ездить в город на занятия восточными танцами – беллиданс.

Варя заставила попробовать её смородину, которую в нынешний сезон неоднократно приносила мне. Это был особый поздний сорт. Я попробовала. Ягоды, как ягоды, такие же моя Даша приносит с рынка, но Варя требовала признать, что такой ягоды я еще не пробовала. Пришлось подтвердить.

– Принеси миску, наберем, посыплем сахаром и за столом нормально поедим.

– Что ты! Какой сахар! Витамины убьет! Все оборвать я не дам, будут еще гости и все должны попробовать. И так почти все оборвали, а что осталось, осыпается. В прошлом году, помнишь, до конца сентября на кустах сохранилась.

От смородины мы перешли к качелям. Игорь раскачивался, а Саша пытался подняться по вертикальной лестнице для гимнастики.

– Куда полез! – забеспокоилась Варя и стащила сына на землю. – Говорила, без меня или папы высоко не заби-

райся.

Саша заплакал, и она принялась успокаивать, Игорь продолжал раскачиваться на качелях. Успокоившись, Саша стащил Игорька с качелей и повел в уголок, где на огромном деревянном помосте были разложены игрушечные рельсы и подвижной состав.

– Будем в поезд играть, – позвал Саша.

Игорь тоже любил толкать вагоны по рельсам и вскоре они уже сцепляли составы, возводили мосты. Железная дорога увлекла обоих. Мы довольные, что дети, наконец, уgomонились и заняты игрой, сели в беседке поговорить. Варя заметила мою напряженность и спросила, кто расстроил – опять Кирилл? Рассказала, что мама требует священника исповедоваться и причаститься.

– Представляешь, всю жизнь неверующая, а заболела, попросила Новый Завет, читает Жития святых, молится. Соседка по палате глубоко верующая.

– Мама не одна в палате?

– Попросила подыскать напарницу. Я поместила в одноместную палату.

– Стала верующей – хорошо. Господь прощает раскаявшихся.

– Надеюсь вера поможет перенести последние минуты, когда обезболивающие перестанут помогать. Держится на одних уколах.

Ночью долго не могла заснуть. Из головы не выходило мамино обещание поговорить, о чем не решалась всю жизнь. Назвать отца? На фиг он нужен теперь, когда я вполне самостоятельна, а маме остались считанные месяцы или дни. Раньше следовало вспомнить об оставленной, когда-то любимой жене и дочери. Сегодня будь он Министром, Председателем правительства или американским миллиардером, мне наплевать. Перечислит не состоявшихся моих отчимов? Было их немало, многих я помню. Мама и сегодня, если бы не болезнь, женщина в самом соку – сорок семь лет! Могла бы еще замуж выйти. С высоты сегодняшнего положения, я её хорошо понимаю и не осуждаю, всю жизнь она нуждалась в мужской ласке! Меняла мужчин? Значит, были на то причины. Достойных мужчин не оставляют и сами они не сбегают.

Когда, наконец, уснула, приснились любовники мамы, видела ее молодой и красивой. Потом мама вдруг превратилась в сегодняшнюю – живой скелет с желтым лицом. Я заплакала от отчаяния, что ничем не могу помочь, и проснулась с больной головой. В последние дни ночные кошмары мучили меня. Видела Валерия с Кириллом и Эльзой, приходила молодая мама. Встала, выпила Но – шпу с анальгином, и снова легла. Что-то еще продолжало сниться, не могу

вспомнить. Разбудил Игорек. Часы показывали девять. Пропала! Не стала принимать обычный контрастный душ, а помогла Даше кормить Игоря. Позвонила маме, спросила, как она, пообещала часа через полтора, а может раньше, как доберусь, быть у неё. Не задерживаясь у зеркала, чуточку подкрасилась, уложила волосы, и, выпив стакан сока, повезла сына к Комаровским – старшим. От них поехала к маме.

В коридоре больницы встретился мамин врач и подтвердил её опасения. Опухоль продолжала катастрофически разрастаться, и врачи не в силах остановить. Я вошла в палату, и в глаза бросилось отсутствие кровати Марии Васильевны. Первая мысль – маму оставили в палате одну, отселив соседку. Мама, прочитав в моих глазах вопрос, объяснила.

– Умерла во сне. Я ничего не слышала, проснулась, а кровати нет. Нянечка сказала: Господь призвал. Последние дни её не мучили боли, как меня. Часто молилась, вспоминала детство, подолгу молча лежала, не слышала меня. Мне бы Бог дал провести последние дни без боли! Тихо умереть во сне, как Марии Васильевне!

– У неё было безнадежное состояние, а у тебя есть еще шансы, – соврала я.

– Не сочиняй! Я все знаю.

Она закрыла глаза и долго молчала, думая о чем-то своем, я не решалась заговорить.

– Алена! – тихо произнесла она, нарушив тишину. – Обещаю простить меня.

– За что прощать тебя? Всю жизнь посвятила мне. Не дала выйти замуж за Ваню – давно простила. Вышла бы за него, ты не лежала в этой палате, окруженная вниманием врачей. Я люблю тебя, мамочка и не переживай. Как бы то ни было, последние годы мы с тобой живём прекрасно.

– Я жила. Ты – нет. Думаешь, не видела все эти годы? Видела! Не была ты счастлива с Валерием. И Кирилла не любишь. Любишь всё еще своего Ваню. Найди его, и будьте счастливы, благословляю вас!

– Поздно, мама! – Я поправила у нее подушку под головой, поцеловала. – Почистить мандарин? Принесла еще персиков и виноград.

– Вчерашние не съела, нянечке отдала.

– Вот и хорошо, поешь свежих. Я положила в холодильник.

– Алена! – она замолчала, собираясь с мыслями, никак не решалась заговорить. Вдруг заплакала и сквозь слезы прошептала. – Никогда не простишь. Не поймешь. У тебя должна была быть сестра. – Мама снова замолкла.

– Ты сделала аборт? – нарушила я молчание.

– Если бы. Аборты я делала. Вы родились близняшками. Две девочки. Тебя я взяла, а ее... поменяла на квартиру. Дурра была, какой ум в семнадцать лет?

– Поменяла на квартиру? – не сразу дошло до меня. – На какую квартиру, что ты говоришь!

– Квартиру, в которой ты выросла.

– Как ты могла, мама?!

– Двоих не подняла бы. Отец твой бросил меня, как только узнал, что беременна.

До меня медленно доходил смысл сказанного.

– А бабушка, дедушка, они не знали?

– Они и настояли.

– Сестра моя жива, где она?

– Надеюсь, жива. Пять дней провела с вами в роддоме, грудью кормила обоих, а домой поехала с тобой одной. Сестренку забрали добрые люди, у которых не могло быть детей. Где она теперь, не знаю.

Постепенно я приходила в себя, переваривая свалившееся на меня известие. Поняла, что мучило маму все годы, почему вдруг решила вызвать священника, исповедоваться.

– Как всё было? Уверена, взяли хорошие люди, воспитали, вырастили?

Ничего о судьбе сестры мама не знала. Рассказала длинную грустную историю. Будь я киносценаристом, написала бы душещипательную мелодраму в стиле бразильского сериала.

Начало истории положила встреча в женской консультации, во время маминой беременности. Коротая время в очереди, женщины, как обычно, делились наболевшим. Мама пожаловалась, не знает, что будет делать с двойней. Не рассчитывала на двоих. Живет в доме без удобств, без мужа. Одна из сидевших в очереди беременных женщин постарше,

пожалела юную маму и, встретившись позже в сквере, подсказала выход.

– Знаю приличную обеспеченную семью. Если согласишься, они усыновят или удочерят одного ребенка, а в роддоме получишь справку на одного. Никто ничего не узнает, а тебя хорошо отблагодарят. Пара богатая, муж большой начальник.

Маме подобная мысль не приходила в голову, и она ничего не ответила. Женщина еще несколько раз подходила к маме и спрашивала, не надумала ли избавиться от второго ребенка. В то время не в каждой женской консультации имелось сегодняшнее УЗИ. Определить пол будущих близнецов не представлялось возможным.

– Будут мальчик и девочка, – выберешь, кого оставить себе.

Мама призналась своей маме – Катерине Ивановне, своей бабушке. Та, не задумываясь, посоветовала согласиться на предложение, взамен потребовать квартиру. Жили тогда мама с бабушкой и ее последним мужем в Куйбышеве, в двух крохотных комнатухах деревянной развалюхи на Ленинской улице.

– Втроем толкаемся здесь спинами, а ты еще двоих. Я никогда не получу другой квартиры, ты тем более. Соглашайся.

И мама решилась. Спустя несколько дней встретилась с бездетной, еще не старой парой. Мужчина по фамилии, кажется, Кувалдин, мама запомнила, работал в заводском

комитете профсоюза авиамоторного завода, и обещал переселить в двухкомнатную благоустроенную квартиру. Мама с бабушкой должны были отдать свою развалюху для оформления обмена. В тот год на окраине города шли массовые новоселья в новых микрорайонах, на месте бывшего «Совхоза – сада». Заводчанам выделили несколько домов, и человек из завкома предложил за ребенка двухкомнатную квартиру в девятиэтажном доме. Бабушка с сожителем продолжали нажимать на маму: соглашайся! Двоих не поднимешь! Кто еще тебе, девчонке, предложит благоустроенную квартиру!

Как удалось всё проверить, деталей мама не знает. Из роддома она вышла со справкой на одну девочку. В тот же день ее матери – Катерине Ивановне вручили ордер на двухкомнатную квартиру в новом доме и документы из бюро обмена, из которых следовало, что свое жилье в центре они поменяли на микрорайон. Больше мою сестренку мама не видела. Через какое-то время, втайне от бабушки, попыталась найти семью, удочерившую дочь, но позабыла фамилию. Помнила, какая-то строительная – Топоровы или Столяровы, а может Кувалдины. Знакомый, по ее просьбе, принес список членов завкома завода, строительную фамилию никто из них не носил. Через несколько лет ей показалось, что вспомнила – Гвоздики. Их на заводе оказалось несколько, но все молодые парни. Мама и сегодня не уверена, что фамилия, удочеривших мою сестренку, Гвоздики. Забрать дочь

обратно мысли у мамы не было, однако сердце скребли кошки, как живется дочурке. Катерина Ивановна, узнав про заてю дочери, навести справки, обматерила её.

Будь уверена, живет лучше твоей Аленки. Хочешь, чтобы нас выселили, если все раскопают? Начнут разбираться, кто поверит, что за сарай без удобств выменяли благоустроенную квартиру? Не рыпайся!

Разноречивые мысли клубились в голове. Может, лучше бы мама унесла тайну с собой, – подумала я. Как относиться к матери, продавшей свою дочь?

Мама прочитала мои мысли.

– Не простишь меня?

– Не знаю. Почему раньше не призналась? Когда была здорова, искали бы, может, и нашли. Ни каких денег не пожалела бы.

– Боялась, не поймешь. Постоянно грызла тоска, мучилась. Молодая была, не думала, что в конце жизни придется держать ответ. – Помолчав, в оправдание привела доводы, которыми успокаивала себя. – Ты выросла в доме с удобствами, не знаешь, как таскать ведрами воду из колонки, выносить помои за квартал, мыться раз в неделю, отстояв долгую очередь в бане. В прошлом году проехала по Ленинской. В обоих концах улицы возводят элитные многоэтажные дома, а наш двор и хибара сохранились. Откажись я тогда, и сегодня жили бы там.

– Не обязательно. Швейная фабрика, где вы с бабушкой

работали, строила дома, возможно и дождалась очереди.

– Дождались. Очередь на улучшение жилищных условий на фабрике была на сорок лет вперед. Мама беспартийная, не ударница, не депутат. Я после седьмого класса проучилась два года в ПТУ, не закончив, пришла на фабрику. Шансов дождаться квартиры – никаких.

– Бабушка и в старости оставалась симпатичной женщиной. Почему замуж не вышла? Не могла найти приличного мужчину с жильем!

Лицо мамы вдруг исказила страшная гримаса, преодолевая боль, воскликнула.

– Девочка моя! Как ты далека от реальной жизни! Этот вопрос можешь задать и мне. Отвечаю. Не везучие мы. И мужики попадались такие. Бесперспективные, пьющие, гуляющие. И я, и ты, обе выросли без отцов. Вот почему настаивала, выйти тебе за Бурлакова, чтобы хоть ты оказалась счастливой. Умираю спокойной, ты пристроена, не повторишь мою и мамину судьбу.

– Еще не известно.

Про себя подумала: конечно, ваших судеб повторять не собираюсь. В личной жизни, как и вам, не везет, но живу в другое время, и счастье понимаю иначе. У меня великолепная пятикомнатная квартира, какую вы с бабушкой видели только в заграничных фильмах, загородный двухэтажный дом, я владелица модного салона одежды. Для полного счастья не хватает только любимого человека рядом. Многие

нынче так живут и не жалуются. Разве у Лильки, Ольги, Риты не такая же ситуация? А Лана? Двадцать восемь лет, её знает и завидует вся Москва, денег куры не клюют, меняет мужиков каждый месяц, а любимого так и не встретила. А у меня есть любимый Ваня. Возможно, мы еще и соединимся, продолжаю верить в чудо. Теперь прибавился еще близкий человек – сестра. Не знаю где она, как звать, но где-то на земле живет, и теперь целью моей жизни будет отыскать её.

Пока переваривала мамино признание, думала, мама молчала, изредка вытирала слезы. Я смотрела на изможденное осунувшееся лицо, желтое от лекарств, и мне стало жалко её, я заплакала. Моя любимая мама! Ты водила меня в детский садик, приходила на родительские собрания в школу, я всегда гордилась тобой. Больше ни у кого не было такой красивой и молодой мамы. Ты ведь молода еще. Сорок семь, разве возраст? В доме часто не было денег, ты приносила с базара виноград и мандарины, сама не ела, оставляя мне. Я удивлялась, почему не любишь фрукты.

– Вытри слезы. Зеркальце есть? Тушь не размажь, – прервала она мои мысли. Я встала и принесла сумочку, достала зеркало и платок.

– Моя тушь не мажется. – Я вытирала слезы, а они продолжали литься. Снова села на край маминой кровати, обняла ее и стала целовать.

– Мамочка! Я люблю тебя! Поправляйся, пожалуйста! Я всё прощаю, значит так сложилось, по – другому не могла

поступить. Нелегкое было время, я помню.

Снова гримаса боли исказила ее лицо.

– Что ты можешь помнить, девочка моя! Болезнь моя – наказание за грехи. Кара божья за то, что отказалась от своей кровиночки, сестренки твоей. За то, что не остановила, толкнула тебя выйти за Бурлакова. Лучше уж жила бы в бедности, зато с Ваней в любви, – шепотом, проговорила она, повернула голову и затихла.

– Мама! – закричала я.

– Очень устала. Иди, попрошу сестру сделать укол, – едва слышно произнесла она. Я нажала кнопку звонка у изголовья кровати. Секунды спустя, пришла медсестра.

– Лена, вам лучше уйти. Мама начнет засыпать, не надо тревожить. – Медсестра подошла к тумбочке, на которой стояли медицинские приборы, достала из ящичка пакет со шприцем, ампулы, повернула ко мне. – Идите, Лена!

– Иди, Алена, – прошептала мама. – Не надо смотреть.

Я вышла в коридор, постояла, раздумывая, подождать ли, пока выйдет сестра, потом у дежурной по этажу попросила воды, выпила успокоительную таблетку и пошла к машине.

После исчезновения Валерия, год я не могла найти себе места. Жила у мамы в Самаре, возвращалась в Москву в Люблинскую квартиру, надоедало там – приезжала в Жуковку. Денег осталось достаточно, чтобы не считать их, скрашивать одиночество на заграничных курортах, в ресторанах и ночных клубах с подругами. Молодая и красивая богатая вдова, я пользовалась успехом у мужчин. От желающих предложить руку и сердце не было отбоя. Липли всё больше женатики и разведенные, мечтающие пополнить список своих постельных побед. Способствовали им и подруги, стремившиеся поскорее выдать меня замуж, чтобы не провоцировала их мужей. Знакомили с новыми и новыми соискателями моей руки.

После переезда мамы ко мне, самарскую квартиру мы сдавали. А я, приезжая в Самару, жила в нашем с Валерием таунхаузе в районе бывших обкомовских дач на Первой просеке, позже подаренном его брату. Спустя год, после загадочного исчезновения Валерия, я стала владелицей всего его состояния. Трехэтажный особняк на берегу Волги я подарила Сергею, он был тронут моей щедростью, и не сразу принял дар. Спрашивала Евдокию Андреевну, что подарить ей, она от всего отказывалась. Со свекровью и братом мужа мне повезло. Они сразу полюбили меня. Даже после того, как вы-

шла за Кирилла, продолжают прекрасно относиться ко мне. На капиталы, оставшиеся после Валерия, не претендовали. Сергей помог удачно распорядиться бумагами брата, их ценность растет и приносит доход. Нормальные деловые отношения установились у Сергея и с Кириллом.

Евдокия Андреевна полюбила Игорька, уговаривала вернуться в Самару. Годы прошли, как пропал Валерий, а она продолжала надеяться, что сын объявится. Считала, его похитили инопланетяне, может, чеченцы сделали рабом на своих плантациях конопли в горах. Я объясняла, коноплю и мак выращивают в Афганистане, а чеченцы давно бы потребовали выкуп. Инопланетяне своих пленников долго не держат.

Не было у Валерия врагов, решившихся на убийство.

Три года ходила я соломенной вдовой. Мама Валерия и Сергей жалели меня, убеждали заняться собственной жизнью, выйти замуж. Я не торопилась. Любила по – прежнему одного Ваню. К нему и кинулась, когда поняла, что Валерий не вернется, но Ваня не простил. Я же продолжаю надеяться, со временем простит, обязательно будем вместе. Подожду пока.

С Кириллом познакомилась в поезде Самара – Москва. Он сразу понравился. По московским тусовкам его не помнила, скорее всего, не встречала. В поезде Кирилл рассказал, что закончил «плешку» и работает в известной международной фирме. Как провинциалке, пояснил, что «плешка» престижная экономическая академия. Я не стала говорить,

что давно москвичка и знаю о «плешке». На вопрос куда еду, ответила – к друзьям, он не стал уточнять. В Самару Кирилл приезжал в командировку, города не знал, и я рассказывала ему о волжских пляжах, театрах и музеях, с которыми сама познакомилась в последние годы, будучи уже замужем за Валерием. Искра взаимной симпатии между нами проскочила, но телефона не спросил, встретиться не предложил, и на Казанском вокзале мы расстались. Как признался позднее, впечатления на него все же произвела. Поразился моему кругозору, что имею своё дело, начитанна, и очень самонадеянна.

Судьба вскоре свела нас снова. В этот раз на «Веранде». Я в умопомрачительном платье от Диора, накануне приобретенном в Петровском Пассаже, с Лилькой Каплан сидела за бокалом martinis, слушала её комментарии прошедших событий, случившихся пока я находилась в Самаре. И вдруг появляется Кирилл, увидел меня. Не обратить внимания на моё новое платье было невозможно, он узнал меня и удивился. Я тоже удивилась, встретив его здесь. Он тоже заказал martinis и на правах Лилиного знакомого, кивнув мне, спросил разрешение присоединиться к нам.

– Я не нарушу ваш тет а тет? – спросил у Лили и, не дождавшись ответа, сел за наш столик. – А с твоей подругой мы познакомились в поезде Самара – Москва. – Он повернулся ко мне. – Не так, Лена?

Да. Судьба закинула в одно купе. Других билетов не было, задерживаться в Самаре не хотела, заплатить за всё купе,

в голову не пришло, и рискнула взять купе с мужчиной.

– Надеюсь, не разочаровал?

– Повезло. Любопытный собеседник. Не приставали, не лезли с откровенностями. Быстро уснули.

Лилька удивленно посмотрела на меня.

– Вы не были знакомы? Завидный жених. Рублевские девки сохнут по Кириллу.

– Так уж сохнут, тебя, к примеру, не заинтересовал. – Повернулся ко мне. – Лена, вы к Лиле в гости приехали? – Ему не пришло в голову, что живу здесь. Выходит, не принял, а я считала, не отличаюсь от местных девчонок, и, взглянув на меня, поймешь, откуда я.

– Представьте, живу здесь, в Жуковке. И не первый год.

– Я принял за провинциалку.

– Я и есть провинциалка. Из Самары.

– Притворяется. Давно в нашей тусовке. Девочка с Рублево – Успенского шоссе. Не встречал Ленку? С Бурлаковым появлялась на каждой тусовке, и как одна осталась, часто бывает. Удивительно, что не встречались!

– Ты же знаешь, я не большой любитель богемных тусовок. Да и лишний раз торчать в автомобильных пробках в дороге не большое удовольствие.

– У тебя же мигалка.

– Отобрали. У отца осталась. – Он повернулся опять ко мне. – Бурлаков Валерий Александрович был вашим мужем? Знаком, он у отца в доме бывал. Не знал, что у него такая

очаровательная жена.

– Теперь свободная женщина, богатая вдова, – заметила Лиля.

– Опять сватаешь? – остановила её.

– Никаких известий о Валерии Александровиче? – спросил Кирилл.

– Убили его. Какие могут быть известия? Дело об исчезновении собираются закрыть. Еще пару месяца протянут, а исполнится три года, и вовсе передадут в отдел не раскрытых.

– Тогда Лене дадут справку на развод, – снова вмешалась со своим комментарием Лиля.

– Тебе это так важно, торопишься выдать замуж? Пожелала бы, через год получила развод.

– Компаньоны, родственники, что думают по поводу исчезновения Валерия Александровича? – продолжил интересоваться Кирилл,

– Убили. Первое время меня подозревали. Таскали по следователям, брали подписку о невыезде. Бывшие дружки – братки, пытать утюгом собрались, спасибо Сергею, брату Валерия, заступился. Хорошо, у меня ни любовника, ни близких друзей среди мужчин не было. Получалось и повода избавиться от мужа.

– Загадочная история. Мистика. Мамы Лены и Валерия предполагают, инопланетяне похитили, советуют ждать, рано или поздно отпустят. Ни в каких инопланетян мы с Леной, конечно, не верим. Убили его. Кто, за что? В бизнесе ни-

кто не возник. Экономические причины отпадают. Любавниц, чтобы подозревать в убийстве ревнивого мужа, не имел, уверена Елена, – продолжила за меня Лиля. – Вышел утром из дома собаку прогулять и не вернулся.

– А собака нашлась? Извините, Лена, если неприятно вспоминать. Когда это случилось, я как-то пропустил подробности, – услышал, что пропал, и всё, – признался Кирилл.

– Собака домой прибежала, что с ней случится? Валерия ждать давно перестала. Смирилась с судьбой соломенной вдовы.

– Три года ждет, что Валерий объявится, – прибавила Лиля. – Как Пенелопа Одиссея.

– Не ехидничай! Не вешай лапшу на уши Кириллу. Пожелает, наведет справки, и получит полный список моих походов. Отлично знаешь, у нас в Жуковке секреты не держатся.

– Тему разговора вскоре сменили, и теперь солировал Кирилл. Рассказывал о Мюнхенской глиптотеке, где недавно побывал. Меня древности не волновали, и я не столько слушала, сколько с любопытством рассматривала увлеченного рассказом Кирилла. «Мужчина, интересный! – подумала. – Я его не заинтересовала. В поезде, понятно, была не в лучшей форме, и принял за глупую провинциалку, но сейчас. Я в потрясающем прикиде, а он не поддержал Лилькину тему, перевел разговор на какие-то древности. За него, скорее

всего, я вышла бы. Хватит вести беспорядочный образ жизни и порхать по чужим праздникам. Нет, для меня он слишком хорош». Кирилл продолжал расписывать каменных богов древних греков, а я унеслась в мечты.

В следующий раз с Кириллом мы встретились в «Тропике». Популярная у молодежи певица Вероника, тоже жительница Рублевки, презентовала новый альбом. Как подруга, девчонка замечательная, ее любили, хотя не все, как я, поклонники ее песен. Поздравить с новым альбомом собрались наши рублевские подруги и знакомые – Лана, Женя, Ольга. Я уговорила прийти даже Машу с Лилей, совершенно не переносивших попсу. Пришли все наши, не приди – Вероника обидится.

Собрался московский бомонд, постоянные любители потусоваться: признанные звезды шоу – биза и юные старлетки, начинающие карьеру. Лев Рыбкин и Катя Мень, Роман Транберг и Рита Ищеева, Сергей Сливкин и Юлия Мочалова. Гости обменивались новостями, лобызали друг друга, засыпали Веронику комплиментами «Как прекрасно выглядишь», «Почему давно не появляешься нигде». Поздравляли и ничего не говорили о содержании альбома, песни из которого уже крутились на молодежных каналах FM – станций и МузТВ. На эстраду ее вывел любовник и первый продюсер.

Он же настоял и помог закончить музыкальное училище. Добившись известности, Вероника сообразила, что вполне обойдется без продюсера, который годился в отцы, взяла в директоры и помощники двоюродную сестру.

Ветераны эстрады и прославленные звезды, составляя репертуар, не жалеют долларов на профессиональных авторов. Нынешние кумиры молодежи, серийные выпускники «Фабрик звезд» сами пишут тексты и музыку. Вероника из них. Тексты свои просит не называть стихами, на компьютере сочиняет музыку, где вместо мелодии лишь чередуются ритмы. А голос у Вероники великолепный, убедишься в этом, когда послушаешь в ее исполнении популярные песни 50 – 60 – х годов. Ее обожают приглашать на корпоративные вечеринки, где она поёт их вначале соло, затем с хором подвыпивших гостей. Немало представителей сегодняшней попсы, как и Вероника, обладают замечательными голосами, но примитивные тексты и музыка исполняемых песен не позволяют им выделиться из общей серой массы.

С Вероникой я познакомилась через Лану.

Лана одна из самых близких моих подруг. Настоящее её имя Светлана. После третьего курса журфака МГУ, отдыхая в Юрмале, она брала интервью у композитора Раймонда Паулса и познакомилась с его женой Ланой, чье полное имя тоже Светлана. Имя понравилось, и с тех пор представляется и подписывается в газете только Ланой.

Журналистка светской колонки в газете «Всё про всех»,

она просвещает меня в светской жизни, да и в других вопросах. Всегда знает, что где происходит или должно произойти. В отличие от других моих подруг, которые часто довольствуются мелкими сплетнями – кто с кем, кто какую обновку справил, информация Ланы охватывала широкий круг тем, хотя часто того же уровня желтых печатных изданий. Меня Лана выделяла из подруг; я, как и она, работала, имела любимое дело. Заказав однажды у меня в салоне оригинальную кофточку, стала постоянной клиенткой и моим пресс – агентом. Хвалебные статьи о салоне, написанные Ланой, принимали «на ура». Убедившись, что я не из болтливых, и можно доверять, она делилась со мной сокровенным. Мои подруги постарше – Маша и Лиля предупреждали держаться с ней сдержаннее, считали, Лане, как и всем журналюгам опасно доверять, я доверяла. Отец Ланы банкир и единственная дочь могла не работать, но Лана любила журналистику. Профессия позволяет бывать на великосветских мероприятиях, быть знакомой со знаменитостями. Еще ее привлекает власть над большинством завсегдатаев тусовок. Её боятся. В своей газетной колонке она высмеивает и расправляется с обидчиками и бездарями. Легко сходится с людьми, всегда жизнерадостна. Для всех загадка, почему не выходит замуж. Я знаю её любовную историю, напоминающую мою. Выйти замуж за одноклассника, в свое время не позволили родители. Когда стала самостоятельной, известной журналисткой, могла поступать по – своему, опоздала – любимый не до-

ждался, женился на аспирантке из Швеции и живет теперь в Стокгольме.

У Ланы, как и у меня, свой бумер BMW-535. Даже после того, как у нее угнали две машины, брать водителя, ездить с охранниками не любит. Предпочитает сама водить машину, или подсесть к знакомым.

Родилась она в старом Люблино, и теперь часто приезжает во двор своего детства. Для Ланы – это мир доброго счастливого времени, здесь она сбрасывает маску светской львицы, преуспевающей журналистки, и превращается в беззаботную люблинскую девчонку, способную вместе с великовозрастными сверстниками на всякие веселые проделки. Родителям друзей судьба не подфартила, как её отцу, и они по-прежнему ведут старо – московский окраинный образ жизни. Её тронуло, что, переехав в Москву, мы с мужем выбрали её любимый район. На этой теме мы и познакомились близко, вскоре стали подругами.

Как-то мы с ней заехали в мою люблинскую квартиру. Лана долго восхищалась видом из окон на пруды, вспоминала времена детства, когда на месте дома были пустыри, пруды не такими ухоженными, в них купались. После осмотра квартиры, обставленной вместе с Валерием, горестно призналась, что не имеет своего уголка, куда могла бы привести друзей, не опасаясь строго взгляда матери и всюду сующих нос охранников.

– Родители до сих пор пасут? – удивилась я.

– Как тебе сказать? – Она помолчала, хоть мы и подружки, не сразу решилась признаться. – Не контролируют каждый шаг, не спрашивают, где и с кем была, но любовника в дом не приведешь, хоть комнат полтора десятка. Купить мне квартиру не позволяют. – Помолчав, вдруг нерешительно спросила:

– Лен, не оставишь мне ключ? Все равно не живешь здесь, а мне иногда хочется пообщаться с кем-либо из друзей. Не поведу же в гостиницу, где меня узнают.

Я дала ей ключ, записала пароль для отключения сигнализации. С тех пор иногда она пользуется моей квартирой. Встречается, вероятно, с кем-то из друзей детства не нашего круга, раз не может найти другого места.

С Вероникой – героиней сегодняшней тусовки, нашей соседкой по Рублевке, Лана сделала несколько интервью, а потом привела в нашу компанию.

Веронике, как и Лане двадцать восемь, но в отличие от Ланы уже дважды побывала замужем, сейчас разведена, и довольна личной жизнью. Найти друга сердца среди коллег из шоу-биза зареклась. Сынки богатых олигархов, как и они сами, Веронику тоже не интересуют. За одно выступление на корпоративной вечеринке она получает не меньше десяти – двадцати тысяч зеленых. Купила дом в Горках – 8, рядом с другими известными певцами, регулярно меняет автомобили.

Ольга приглашает Веронику на свои девичники, мы уса-

живаем её за рояль и вместе поем любимые песни, старинные романсы. На потребу тинэйджерам Вероника пишет дурацкие тексты, а если ее попросишь сочинить поздравление в стихах кому-то из друзей, получаются великолепные стихи. Бог наградил ее поэтическим даром. Лана даже предлагала Веронике помочь напечатать стихи в приличном журнале, Вероника не решилась ломать имидж любимицы тинэйджеров.

Гости всё пребывали. Группа «Вам – Вам» в полном составе во главе со своим руководителем, завоевывающие все большую популярность «Сверкающие», Таня Петрова из забытой группы «Комбинация». Последним пришел Миша Шарутинский, когда Вероника в сопровождении своих музыкантов пела уже третью песню, а часть гостей после достаточно выпитого, пустились в пляс под незатейливые, но зажигательные её мелодии.

Опустошив бутылку «Вдовы Клико», мы, как обычно, встретившись, обсуждали гостей вечеринки, сплетничали. Сквозь дикий шум бухающих ударных, отбивающих ритм, с трудом слышали друг друга. Вдруг появился, незамеченный ранее, Кирилл. Подошел к нашей компании, поздоровался со всеми и спросил у девчонок, можно ли пригласить меня танцевать. Мне не очень хотелось трястись в толпе полупьяных молодых поклонников Вероники, но отказать Кириллу не могла, и мы пошли на танцпол. После встречи на «Веранде» я не раз вспоминала его, жалела, что знаком-

ство не продолжилось. Потолкавшись на круге, он увел меня за свой стол, познакомил с друзьями, некоторых я и сама знала. Еще танцевали и пили. Я забыла, что пришла на вечеринку с подругами, освоившись в компании друзей Кирилла.

– Сбежим? – неожиданно предложил он, и я согласилась. Прощаться с подругами не стала, но с хозяйкой вечеринки долг требовал пообщаться. Прорвала окружение Вероники, мы еще раз расцеловались, я повторно поздравила с новым диском. Она извинилась, что все диски уже раздала поклонникам, пообещала завтра завезти мне домой специальное подарочное издание. Долго разговаривать поклонники не позволили и оттеснили меня. Кирилл все это время терпеливо ждал.

Его «Мерс» стояла на тротуаре рядом с входом.

– Не боишься, эвакуаторы увезут машину? Паркуешься в неположенном месте, – спросила я.

– Пусть попробуют! Посмотри на номера!

Мы поехали в «Диану». Здесь в тишине и полумраке можно спокойно побеседовать. Кирилл заказал себе кофе, мне рюмку коктейля.

– Спойть надеешься? Не удастся, я умею контролировать себя, – развязно проговорила, будучи уже достаточно на взводе. В «Тропике» мы с девчонками смешали «Вдову Клико» с джином, в голове шумело, чувствовала себя легко и была счастлива, что с Кириллом. Из всех, осаждавших меня поклонников, он нравился больше других, и не входил

в их число. Я его почти не знала, на тусовках не появляется, удивительно, чем привлекла Вероника. Высокий, стройный, по-спортивному подтянут, умный собеседник, понравился с первой встречи. Впервые я чувствовала, что хочу не секса с Кириллом, а его самого, как человека, интересного собеседника, с которым, надеялась, будет не скучно, на кого смогу положиться.

Прощаясь, Кирилл попросился на кофе. Я пообещала кофе в следующий раз, а если очень хочется выпить, заедем на «Веранду», там сегодня выступает кто-то из камерных певцов или музыкантов.

– Очистимся от попсы, успокоим нервы после стояния в пробках, – предложила я.

Сегодня вечером выступал Денис Мацуев, но, когда мы приехали, концерт давно закончился. Выпили кофе, и Кирилл проводил меня, предпринял попытку зайти, я была непреклонна. Он, кажется, обиделся, зато убедился, я не из тех, кто в первый вечер готов на постель. Живет, оказалось, почти рядом, в Усовке.

Мы не раз еще встречались, целовались, но в дом не приглашала, к нему зайти, тоже не соглашалась. Он влюбился и готов был ждать, согласившись на затянувшиеся платонические отношения. Продолжал ежедневно присылать цветы, ухаживать за мной. У нас так и не дошло до секса, когда он сделал официальное предложение. Я обещала подумать, посоветоваться. Хотя, с кем советоваться, с мамой? Она, конеч-

но, за, узнав о семье Кирилла. С подружками, которые сами строили планы окольцевать Кирилла, или с замужними, опасавшимися за своих мужей, оставайся я одинокой? Ни чей совет мне не подходил, сама должна принять решение.

Подруги убеждали, найти не разведенного мужчину в нашем с Кириллом возрасте равносильно выигрышу в лотерее. Дико повезло, что Кирилл влюбился в меня.

– Ты честно выдержала траур. Три года. Другая, через пару месяцев выскочила бы замуж. Лиля, Маша и Ольга искренне радовались за меня и уговаривали принять предложение Кирилла.

Кирилл мне нравился, и я была почти готова связать с ним судьбу. Оставался Ваня, мне казалось, я по – прежнему его люблю.

Исчезновением Валерия Господь наказал за измену Ване, – считала я. – Именно наказал, а не освободил, как пыталась убедить меня Ольга. Будь у Господа другое намерение, – соединил бы с любимым Ваней, а не толкнул в объятия Кирилла.

Ваня пришел к нам в школу в седьмом классе. До этого учился в школе при детдоме. Девчонки, услышав, что в классе будет учиться детдомовский, недовольно фыркали – придет какой-то охламон, в классе и так шпаны хватает, или, как выражалась классуха, мальчишек из не благополучных семей. Они снижали общую успеваемость, своими выходками, нарушающими школьный распорядок, приносили ей постоянную головную боль. Когда же первого сентября новенький появился в фирменных джинсах и белой итальянской рубашке с засученными рукавами, дорогих сандалиях, и папкой для книг из натуральной кожи, мы не догадались, он и есть, заранее отверженный нами, детдомовец. Он заглянул в класс, спросил, седьмой ли это «Б» и, получив утвердительный ответ, громко обратился:

– Дамы и господа, девочки и пацаны, не знаю, как у вас принято обращаться, позвольте представиться: Иван Хворостов. Определили в ваш класс. – Шум мгновенно смолк, головы повернулись к вошедшему, а он продолжал. – Прошу любить и жаловать. Впереди четыре года совместных учений и мучений. Повторю: звать меня Иван, можно Ваня.

– Симпатичный мальчик! – прошептала мне на ухо, сидящая рядом Зинка. – Познакомлюсь.

– Почему ты? – спросила я. – Может, и я хочу познако-

миться с новеньким. Вот придет детдомовский и знакомься!

– Уже присвоили права на новичка! – Возмутилась, сидящая за соседней партой, Лида Макарова. – Еще посмотрим, кто ему больше понравится.

– Какой крутой нашелся: дамы и господа. Это вы дамы? – повернулся к нам с Зиной и Лиде, Сережка, классный заводила и безнадёжный троечник. Новенький успел не понравиться Сережке, почувствовал претендента на авторитет.

– Не знаю насчет нас, а что ты не господин, и никогда им не будешь – точно, – огрызнулась Лидка

Пока мы обсуждали новенького, он прошелся по классу, остановился у пустующей парты за Лидкой.

– Здесь свободно, могу сесть?

– Занимай! – поспешила ответить она. – Мы еще не успели определиться с местами. Я с Ларисой и они, – она показала на нас с Зиной, всегда сидим на второй парте. Здесь хорошо все слышно и шпаргалить удобно. Учителя обращают больше внимания на «Камчатку».

– Всегда шпаргалите? – улыбнулся Ваня.

– А ты не пользуешься шпаргалками?

– Стараюсь.

Прозвенел звонок, и вошла наша классуха Серафима Васильевна – учитель математики. Загорелая, в модной блузке и длинной юбке, уложенными в парикмахерской волосами, выглядела красавицей. Если бы не требовательность на уроках и разносы на классном часе, ее можно было бы

любить. Ей нет и тридцати, все старшеклассники поголовно в нее влюблены. После короткого поздравления с новым учебным годом, она начала переключку. Когда дошла до фамилии Хворостов, остановилась, подняла новенького.

– Хворостов! – он встал. – Ваня перешел из 34 – й школы. Надеюсь, вы примите его и подружитесь.

– Почему не продолжил учебу в своей школе? – спросил кто-то, – Выгнали?

– В его школе только шесть классов, – ответила Серафима Васильевна и принялась пытаться, что помним из прошлогоднего курса алгебры.

Мы с Зиной, да и другие девчонки, весь урок вертели головами, наблюдая за новеньким. Зина строила планы и делилась со мной, как познакомиться с ним.

На перемене Ваню окружили мальчишки, и только перед звонком на урок, нам удалось подойти к нему.

– Ты, правда, детдомовский? – первым делом спросила Зина.

– На мне написано? – довольно грубо ответил он.

– Серафима Васильевна говорила, в седьмой класс придет мальчик из детдома. Ты как раз не похож.

– Ошибаешься. Самый настоящий детдомовец. Больше вопросов нет?

Я решила сгладить неловкость и сказала:

– Не обижайся на Зину, она у нас очень любопытная. Ты ей понравился.

– Она мне – нет! – сказал и отошел к группе ребят.

В первый же день произошло несколько стычек с парнями из восьмого. Наш Ваня, оказалось, владел основами кун-фу и приставаалам пришлось позорно ретироваться. Инцидент сразу изменил отношение к нему. Мальчишек удивило, что новенький не курит, не похож на детдомовского. На уроке физкультуры одноклассники уговорили продемонстрировать несколько приемов кун-фу, и он показал. Физрук Матвей Сергеевич в шутку предложил побороться, и Ваня в несколько секунд прижал его к полу. Раздались аплодисменты. Восхищение новичком продолжилось, когда во время игры в волейбол, показал, как отлично подаёт крученые мячи. Ваню приняли за своего, признали лидером.

Девчонки были без ума от новичка. Ваня не замечал их, общался лишь с парнями. После уроков, в школе не задерживался и торопился в детский дом. Упакован всегда в приличные импортные шмотки, не уступающие одежде мальчишек из богатых семей. Девчонки долгое время гадали, откуда они, строили предположения про родственников. О родителях он не распространялся. Все стало понятно месяца через полтора, после инцидента на уроке английского. Заболела наша англичанка, и заменить её пришла молодая училка, только – что окончившая институт. Она придралась к произношению Вани, и, пока он читал отрывок из классического текста, постоянно поправляла его, он не внимал ей. Вдруг Ваня вскипел, оторвался от чтения и выдал ей на английском

что-то длинное и не понятное нам. Училка, как и мы, опешила, не сразу сообразила, что ответить. Мы занимались своими делами, и мало кто из одноклассников следил за происходящим, а тут все насторожились, услышав от Вани длинный непонятный монолог. «О чем он? Какую-то вызубренную цитату привел»?

Светлана – англичанка смутилась, но вскоре нашлась.

– Я не знала, что вы целый год учились в Англии. Грамматически выражаетесь вполне грамотно, но произношение какое—то местечковое.

– Говор графства Оксфордшир, будет вам известно.

Она что-то быстро затараторила по – английски, Ваня бойко с ней спорил. Мы все сидели, раскрыв рты от изумления. Кто же знал, что наш Ваня говорит по – английски! За полтора месяца учебы не похвастал, что целый год провел в Англии. Их перепалка кончилась улыбками и несколькими понятыми нами excuse и sorry. Ваня сел, Светлана подняла читать текст Женю. Та, спотыкаясь, коряво произносила незнакомые слова.

Как это было давно! Кажется, в другой жизни. Сколько событий, радостных и горьких дней вместили годы!

Весь седьмой и восьмой класс ни одна из наших барышень не нашла подхода к Хворостову.

После восьмого по настоянию мамы, я поступила в швейный колледж и распрощалась со школой. Класс после экзаменов отправили в трудовой лагерь на прополку свеклы

в пригородный совхоз, я была свободна и поехала с подружками за компанию.

Вечерами подолгу сидели у костра. Однажды Иван заговорил, как оказался в Англии. Его вместе с тремя пятиклассниками из других детских домов страны в рамках благотворительной акции послали на год в Англию и поселили в семье с детьми одного возраста. От них он и научился разговорному языку.

После костра и проверки дежурного, девчонки умудрились улизнуть с мальчишками из лагеря. Ваня обычно оставался в палатке. Во всем он был законопослушным, мне было даже противно. И вдруг как-то во время ужина, шепчет мне:

– Пойдем после отбоя на речку?

Предложение настолько неожиданное, что я растерялась. Как и все одноклассницы, давно смирилась, никто из нас не интересуется его. Вероятно, у Хворостова есть девчонка в детском доме, думали мы, и вдруг предложение мне. Чем заслужила? За два года в седьмом и восьмом мы перемолвились несколькими фразами, хотя мог бы заметить мой интерес к себе.

– И что будем делать? – спросила я.

– Побродим по берегу, подышим свежим воздухом.

– Хорошо, – тихо прошептала я. Он отошел, и тогда мне стукнуло. – А во сколько и где встретимся? Перелезу через забор, а дальше? Следующие полтора часа ходила сама

не своя, с трудом сдерживаясь, чтобы не поделиться с Зинкой, ломала голову, почему выбрал меня. Не её или Ирину, не оставлявших надежду подружиться с ним.

Когда расходились от костра, Ваня подошел и напомнил, если не передумала, ждет в одиннадцать пятнадцать у второго лаза сквозь забор. В спальне девчонки долго укладывались, потом завели нескончаемые разговоры, и улизнуть не замеченной не удавалось. Каждую минуту посматривала на часы и с нетерпением ждала, когда же соседки угомонятся, заснут. В одиннадцать поднялась Наташка, у неё свидание. Остальные продолжали болтать и засыпать не собирались. Пришлось выдержать град вопросов, куда, к кому и не проболтаться.

Пролезла под проволоку, и еще не покинула территорию лагеря, как Иван протянул мне руку. Помог подняться, спросил, не оцарапалась ли, и, отпустив мою руку, замолчал. Сердце билось в страшном волнении. Мое первое свидание! Ваня нравился с первого своего появления, но я, как и другие девчонки, оказалась не в его вкусе. И вдруг пригласил на свидание! Меня, а не Зинку, которая сохнет по нему и постоянно набивается ему в подруги. Мы идем рядом, говорим о последнем фильме с Сильвестром Сталлоне.

Завела разговор о помощи совхозу, высказала сомнение в пользе нашей работы. Ваня, правильный во всем, и здесь, убедил меня, что польза разносторонняя, свекла после прополки уродиться крупной, мы укрепим здоровье – целый

день на свежем воздухе. Главное, класс сплотится, мы лучше узнаем друг друга.

– Не убежал бы после уроков, давно всех узнал. Догадываешься, девчонки без ума от тебя, а ты не обращаешь внимания ни на кого.

– Почему? На тебя обратил.

– Когда ушла из школы. Удивляюсь, почему выбрал меня.

– Понравилась, – засмеялся он. – Меньше других пялила глаза, не заигрывала.

Едва не призналась, что влюбилась в первый же день, а увидела равнодушие к женскому полу, не решалась даже взглянуть лишний раз. Вслух спросила:

– Был уверен, соглашусь на приглашение? Самоуверен. Вдруг отказалась бы.

– Отказа боялся, признаюсь. Из всех девчонок класса ты показалась самой серьезной, рассудительной. Девчонка – недотрога. Знаешь, что тебе надо в жизни. Долго колебался, пока не понял – сегодня или уже никогда следует решиться.

– Почему в школе не подошел?

– Говорю же: не решался.

Я боялась, не найду, о чем говорить, Ваня такой умный, начитанный, как не показаться душой? Слава Богу, Ваня сам находил темы для разговора, и мне оставалось только поддерживать. Говорили обо всем. О новинках видео, которые оба смотрели, об учителях и одноклассниках. Узнала много интересного про детский дом. Несколько раз Ваня повто-

рил, что его альма-матер образцово – показательная, в других детдомах жизнь значительно хуже. Про родителей сказал, что погибли в автокатастрофе, и вспоминать не любит. Позже, когда стали дружить, и он стал бывать у меня дома, признался, что не знает родителей. Его оставили в роддоме. Фамилию, имя дали в Доме малютки. Попросил, никому не рассказывать, прежде всего, маме. Она относилась к нему настороженно и ворчала каждый раз после ухода. «Не можешь найти мальчика из приличной семьи».

С началом учебного года все узнали, что мы встречаемся. Больше всех завидовала моя близкая подруга Зинаида. Я приходила к Ване в детский дом, он засиживались у меня, слушали магнитофон, смотрели видик. Школу я не забывала и приходила на все вечера и дискотеки.

В последнюю школьную весну Вани я отдалась ему, и мы занимались сексом до самого его отъезда. После первой близости предложил жениться, раз мы стали мужем и женой. Я, более взрослая в этом вопросе, убедила подождать, когда закончу колледж и получу профессию. Признаюсь, я была инициатором попробовать запретное. Видела, как он хотел этого, но не настаивал. Большинство одноклассниц давно потеряли невинность и меняли мальчишек одного за другим. Его по – прежнему пытались отнять у меня и соблазнить. Ваня любил меня и не пытался попробовать с кем-то. Вот я и решилась. Сжигало желание попробовать не испытанное с любимым. Сложилась подходящая ситуация и мы стали близки.

После школы Ваня собирался в Москву или Ленинград, до последнего не мог решить, где лучшая перспектива стать настоящим археологом. Мне же предстояло оставаться в Самаре и ждать его, как мы решили. Или прилично выйти замуж, как надеялась мама. С поступлением Вани в Университет, мама считала, закончится школьная дружба, и не препятствовала нашим встречам. А у нас разгорелась любовь, как описывают в книгах. Дня не могли прожить друг без друга. В доказательство нашей большой любви, ниспосланной свыше, Ваня приводил древнегреческий миф.

— Люди сначала были андрогенами — обоеполыми человеческими существами, а боги разделили их на две половинки — мужчину и женщину. С тех пор они блуждают по свету, ищут друг друга. Мы с тобой тоже некогда составляли одно тело, потом его разделили на две половинки. Мы искали друг друга и нашли. Это большое счастье. Миллионы людей ищут свои половинки, а находят единицы.

Мама с первого дня не одобряла нашу дружбу, но встречала Ваню приветливо, усаживала обязательно за стол, кормила разной вкуснятиной, приговаривая, что в детдомовской столовой так не приготовят. Ваня первое время пытался разубедить её, потом смирился, продолжая подчеркивать, что очень не любит, когда его жалеют.

Я понимала его. Выросла без отца, и сильно обижалась, когда бабушка называла сироткой. Время от времени в доме появлялись мужчины, жили с нами какое-то время и исче-

зали. Я рано повзрослела и, понимая мать, не спрашивала, почему вместо дяди Коли появился дядя Витя, а его сменил дядя Сережа.

Когда училась в колледже, с нами стал жить Владимир Петрович. Не знаю, что нашел в моей маме, не закончившей десятилетку. Образован, интеллигентен, несколько лет работал директором школы, теперь служил в городской администрации. Он и маму устроил на работу туда. Хорошо относился ко мне. Несколько лет спустя, когда я уже жила в Москве, он вернулся к жене, и мама опять осталась одна.

Несмотря на увлечения мужчинами, мама не забывала обо мне. У Вани, с маминой точки зрения, один недостаток, – бездомный, голытьба. Как добрый и рассудительный, он нравился ей. На нашу дружбу смотрела, как на детское увлечение, не верила, что я влюбилась на всю жизнь. Принесу в подоле – не опасалась, верила в мой серьезный подход к этой проблеме.

Ваня поступил в Петербургский университет на археологию, о которой мечтал. Перед началом учебного года, счастливый, возвратился в Самару и все дни мы проводили вместе. К первому сентября уехал в Питер. Мне оставалось еще полгода доучиваться в колледже.

На зимние каникулы Ваня приехал в Самару, и мы опять были вместе. Прощаясь, предупредил что в следующий раз встретимся нескоро. На всё лето договорился поехать со старшекурсниками в археологическую экспедицию

в Среднюю Азию. Обещал заработать деньги и в сентябре пригласить меня в Питер, я поклялась ждать.

И не дождалась. Поддалась натиску мамы и вышла замуж за Валерия – «нового русского», старше меня на 12 лет.

Как-то зашла к маме в Администрацию, там он меня увидел и сразу влюбился. Узнал, что я шью, беру заказы, и перся к нам домой. Принес отрез шелковой ткани с интересным рисунком, и попросил сшить из нее галстук. Признался: день и ночь мечтает о таком галстуке. Я отнекивалась, никогда не шила мужских галстуков, понятия не имею как. Он предвидел мои возражения и захватил с собой три импортных галстука, каждый стоимостью не меньше сотни баксов, чтобы я растерзала их, и разобралась, как сшиты. Я поняла, не галстук ему нужен, а повод встретиться. Пришла мама и тоже стала просить уважить Валерия Александровича. Когда он ушел, принялась просвещать.

– Да ты знаешь, кто он! К губернатору Титову левой ногой дверь открывает и входит без доклада! Постарайся выполнить заказ. Уверена, хорошо заплатит.

– Мама, не морочь голову! Отлично знаешь, не галстук ему нужен! Сама, наверное, адрес наш дала.

– Если и так, что плохого? Богатый, молодой не женатый, красивый мужчина. Не чета твоему Ваньке. Поддержи знакомство, а там видно будет.

– У него наверняка десяток любовниц. Почему не женат, интересно. Слишком стар, чтобы поддерживать знакомство.

И зачем? Отлично знаешь, я люблю Ваню и зимой мы поженимся.

— Ну и дура! Пока молода, красива, надо брать от жизни всё! Такой случай представляется раз в жизни, миллионер обратил внимание!

— Он миллионер? — удивилась я. — Никогда близко не видела миллионеров. Только в кино.

— А ты думала! Мать плохого не посоветует.

Галстук я сшила и лейбл от Версаче присобачила, чтобы не отличался от фирменного. Валерий надевал его потом иногда и в Москве, хвастаясь эксклюзивом. Из огромного куска ткани осталось еще мне на купальный комплект.

Валерий занимал крупный пост на ВАЗе, входил в Совет директоров ЛогоВАЗа. Начинал в Тольятти, позже перебрался в Самару, где масштабы деятельности крупнее. Краем уха, из разговора мамы с Владимиром Петровичем, слышала, что бизнес Валерия криминальный, меня это не остановило. Какой бизнес без криминала!

Получив галстук, Валерий Александрович не отстал. Пригласил сопроводить его на вечер в филармонию, где нефтяники справляли какой-то корпоративный юбилей, и в тайне, специальным самолетом привезли из Парижа знаменитую Патрисию Каас. Отказаться от Патрисии Каас я не смогла и согласилась пойти с Валерием Александровичем. Впервые оказалась на закрытом мероприятии для избранных, близко увидела высший самарский свет, губернатора и его же-

ну, о которой много слышала. За столом сидели недалеко от, печально известного в будущем, Березовского, рядом вер-хушка руководителей ВАЗа. Поздно ночью Валерий Алек-сандрович отвез меня на иномарке с личным шофером до-мой в микрорайон. Поднялся, разбудил маму с Владимиром Петровичем и сдал как вещь из рук в руки родителям, поце-ловав на прощание ручки.

Долго не могла я уснуть в оставшуюся часть ночи, раз-мышляя, живут же люди!

Мы стали встречаться, и каждый раз Валерий заезжал за мной, спрашивал разрешения у мамы. Сводил в недавно открытое казино, на концерт Любви Казарновской в Филар-монии. Каждую поездку нас сопровождал водитель, даже ес-ли за рулем сидел сам Валерий Александрович. Не сразу до-гадалась, что водитель еще и личный телохранитель.

Мама продолжала зудеть: тебе страшно повезло, если предложит жениться, не отказывайся. Просить моей руки он приехал у мамы. Прямо, как в старое время! Конечно, она была счастлива, и сказала, слово за мной. Я, закруженная вихрем новых впечатлений, согласилась.

Образумить меня, в Самару прилетел Ваня. Оставил экс-педицию и всё заработанное потратил на авиабилет. Долго убеждал, что мы созданы друг для друга, я совершаю ошиб-ку. Я же была в тумане, под гипнозом красивой жизни, какую показал Валерий, и которую с Ваней, вряд ли когда увижу. Прощаясь, Ваня сказал, если одумаюсь и раскаюсь, примет

меня и простит.

Свадьбу сыграли пышную. Приглашенных – свыше сотни. Мама, Владимир Петрович, одноклассники: Зина, Наташа и Ира, несколько новых подружек из колледжа, остальные родственники и друзья Валерия. Подвенечное платье ездили заказывать в Москву у Славы Зайцева. После Дворца бракосочетания возложили цветы к Вечному огню на площади Славы, и поехали клясться в вечной любви с высокого берега Волги – новом месте паломничества молодоженов, перед величественными Жигулями, бескрайней панорамой реки, открывающейся отсюда сразу на десятки километров. Кавалькада иномарок, украшенных цветными лентами и табличками: «Жених и невеста», «Подружки невесты», «Братва жениха», «Пьяные гости» и т. п. «художествами» на месте переднего номера, растянулась на километр. Оба атеисты отказались от церковного обряда. Застолье проходило в ресторане «Жигули» – не самом модном и современном, но Валерий когда-то обещал себе, что свадьбу будет отмечать именно в «Жигулях».

Валерий оказался замечательным мужем. Плохо думать о нем, благодарить Господа, что избавил от него, я не могла. Было бы кощунством. Не виновата, что не смогла полюбить. Он любил меня беззаветно, угадывал любое желание. За все время ни разу не посмотрел на другую женщину. Мы ни разу не поссорились. Первое время после исчезновения Валеры, мне очень не хватало его, казалось, что люблю, не только жа-

лею. Забыла про Ваню и вспоминала только Валерия, ругала себя, что была не справедлива, обижала его.

Мудрые люди правы, повторяя вслед за Соломоном, «Все проходит... И это пройдет»! Боль утраты, действительно, прошла. А мысли о Ване не проходили никогда. Даже когда после Валерия кинулась в круговорот светской жизни. Один за другим завязывались романы, но всё несерьезно, чтобы заглушить боль невозможности быть с Ваней.

Прежде чем сказать Кириллу «да», еще раз попыталась поговорить с Ваней. Покаяться, объяснить, любила всегда его одного, напомнить обещание принять меня, когда одумаюсь. Я одумалась, понимаю, какую глубокую обиду нанесла своим предательством.

Приехала к нему в Питер, а он несколько дней избегал меня, с трудом удалось встретиться. Обещала своей любовью искупить вину. Никакие доводы, обращение к прошлому, не растопили его сердца. Вернувшись в Москву, несколько дней проплакала и поняла, Ваня – моя идея фикс, мой каприз, а Кирилла я люблю. Разобравшись в своих чувствах, дала Кириллу согласие. Вскоре сыграли свадьбу.

Мама прожила еще два дня и ночью умерла с застывшей на лице улыбкой. После визита священника ее словно подменили. Она улыбалась, громко говорила и больше не жаловалась на боли. Долго разговаривала с Софьей Михайловной, убеждала помирить нас с Кириллом. У меня снова просила прощения за сестру и безрадостное детство. Мы вместе всплакнули, но прощались оптимистично, мама улыбалась, даже чуточку приподнялась на постели, помахала мне рукой и попросила завтра привести Игорька.

Понимала, жить маме осталось недолго, но ранний утренний звонок из больницы о ее кончине, оказался полной неожиданностью. Я зарыдала, на шум прибежала домработница, увидела в руке трубку городского телефона и всё поняла.

– Отмучилась мама? Поплачь, поплачь, станет легче. – Да-ша сходила за таблетками и водой. – Выпей! Сегодня предстоит тяжелый день. Игорька я увезу к Софье Михайловне, а ты позвони Кириллу. В такую минуту должен быть рядом.

Я набрала сотовый Кирилла, телефон долго молчал. В Германии еще ночь, наконец, он проснулся и ответил. Продолжая рыдать, сказала, что ночью умерла мама. Он пообещал вылететь ближайшим самолетом и вечером быть дома. Я пила успокоительное и пыталась взять себя в руки. Каждый

день ждала печального известия, а случилось – оказалась не готова. Порвалась нить, связывающая с детством. Я осталась одна на белом свете. Есть, конечно, еще Игорек. Больше никого. Ни теток, ни бабушек. Да, осталась ведь сестра! Немедленно займись её поисками. Надеялась узнать у мамы еще какие – нибудь подробности о сестре, может, вспомнит, что-то. Оpozдала.

Выразить соболезнования пришли все подруги, я была тронута. Даже не очень близкие пришли или позвонили. Из Самары приехал на похороны брат Валерия Сергей Александрович. Похоронили маму недалеко на сельском кладбище. Устроили, как полагается поминки, помянули маму похристиански.

Больше не нужно ездить в больницу, рыскать в поисках заграничных лекарств. Жизнь начала входить в обычное русло.

Оставаться одной было тяжело, и все дни я проводила в салоне, где в последнее время редко бывала, доверив дела Ларисе. Она, сочувствуя моему горю, уговаривала не приезжать – сама с помощницами управляется.

Открыть салон я раскрутила Валеру. Объяснила, что не могу целыми днями шлаться по магазинам или точить лясы с такими же, как я бездельницами. С детства приучена к работе. У меня должно быть дело.

– Ты с утра до ночи пропадаешь, а мне завести любовника?

Валера предложил открыть или купить фитнес клуб, косметический салон. Я настояла на салоне модной одежды, и он сдался, снял подвернувшееся помещение на Большой Дорогомиловской, недалеко от Киевского вокзала и Кутузовского проспекта. Я сама следила за переоборудованием одной большой и двух маленьких комнат разорившейся химчистки в салон мод, набрала коллектив специалистов. Позже Кирилл прикупил еще сорок квадратов у владельцев смежного помещения, и мы расширились до современных размеров.

И Валерий, и Кирилл считали салон заведомо убыточным, однако из желания поддержать мое увлечение, вкладывали деньги в реконструкцию помещения и организацию производства.

Заниматься модными тряпками мне доставляет удовольствие. Особенно стало интересно, когда салон обзавелся постоянным кругом богатых клиенток. При салоне открыла бутик для реализации небольших партий наших моделей класса pret-a-porter, как считала моя директор Лариса.

Её, имеющую опыт работы заведующей швейным ателье, помог найти Валерий. С ней я не знала никаких финансово – организационных забот. Все лежало на плечах Ларисы. Как менеджер она не заменима. Если и обманывала меня в финансовых делах, то божески.

Успехам салона, его славе во многом я обязана еще одному человеку – модельеру, дизайнеру и художнице Лизе – Лу-

изе Бонер, жене сотрудника посольства Франции. Она уехала из СССР много лет назад, на западе работала в модельном бизнесе, пока не вышла замуж за Жерара и не вернулась с ним в Россию. За бугром успела окончить престижную Лондонскую школу модельеров Сан – Мартин. Родом откуда-то из Сибири, в Москве подруг не имела, и, прочитав мое объявление о поиске художника – модельера, пришла. Понравилась мне сразу, что – то в нас было общее. Работа для неё – самовыражение, а не заработок денег; как и я не может жить без дела. Идеи бьют фонтаном. Будь на моем месте кто-то энергичнее, давно бы воспользовался ее предложениями и открыл большое швейное производство. В посольстве получали несметное количество журналов, она просматривала их и что-то приносила нам с Ларисой, оставляла в салоне для гостей.

С работницами мне повезло. Не только Лиза и Лариса бурлили идеями, весь персонал салона – замечательные люди. Закройщицам и швеям, я плачу больше, чем Слава Зайцев или на Кузнецком мосту, и за свое место они держатся. Со Славой я поддерживаю знакомство. Когда переселилась в Жуковку, и позже, как вышла за Кирилла, мы изредка встречаемся в ресторане «Веранда у Дачи», он приглашает на свои вернисажи, побывал у меня в салоне, похвалил, но особого восторга от наших моделей и массовки не выразил. Луиза посчитала – увидел конкурентов.

Однажды мы с Кириллом, будучи в Париже, зашли к ее

французским родственникам – передали посылочку от мужа, и семья показалась плебейской, хотя Жерар и служил по дипломатической линии. Кирилл не пожелал близко сходитья с ними.

Иногда я привожу Лизу – Луизу на свои девичники, и она становится центром внимания. Брала с собой на тусовки, но она не любит их. Меня она всегда приглашает на вечера в посольство.

Приезжая в салон, подруги часами сидят с ней над журналами, обсуждая, что сшить, нарушают ее собственные планы, отрывают от дел. Лариса в таких случаях приходит ей на помощь.

Пока я была занята маминой болезнью, Луиза с Ларисой, развернулись с подготовкой показа наших моделей. Перспектива демонстрации на публике приобретала реальные очертания. В другой раз я бы выразила восторг, обняла и расцеловала моих активных помощниц, сейчас, подавленная смертью мамы, их новости встретила равнодушно. Похвалила только: молодцы, устроим шикарное зрелище. Иные мысли занимали – с чего начинать поиски сестры.

Скромным девичником отмечали девять дней, как не стало мамы, когда позвонил Михаил. Посочувствовал, посоветовал больше бывать на людях, чтобы не мучиться переживаниями и не сойти с ума в одиночестве. После уик-энда в Ницце, он изредка звонил, несколько раз мы виделись на тусовках. Встретиться наедине я не решалась. Однажды

приехал в Жуковку, и мы пообщались в торговом центре. Настойчиво уговаривал встретиться где –нибудь в укромном месте, я отвечала, что не могу – замужняя женщина, сын растет. Михаил напоминал, что Кирилл открыто живет с немкой, мне сам Бог велит, если не отомстить, хотя бы развлечься.

– Встретиться со мной для тебя очередное развлечение? Все понятно.

– Извини, не то сказал! Ты сразила меня с первой встречи. Тогда был женат, и познакомиться, никак не удавалось. Встречались на тусовках, но подойти, или попросить представить, не решался.

– Зато, познакомившись, время не стал терять. Как джигит кавказский похитил, ничего не соображающую, женщину, увез за тридевять земель.

– Вернувшись, помнится, призналась, осталась довольна проведенным уик-эндом.

Я успела проверить, он, действительно, в разводе с женой Альбиной – журналисткой из кремлевского пула. В отличие от моей подруги светской журналистки Ланы, которую везде охотно принимают, не смеют отказать в интервью, на политическом поприще Альбине работалось труднее. Кремлевские чиновники, да не только они, тоже встречают поцелуями, но уговорить их на откровенность, вытянуть информацию остается проблемой. Нередко приходится добывать её через постель. Узнав о последнем случае, когда информа-

ция просочилась в светские тусовки, Михаил подал на развод. Случилось это года за два до нашего знакомства. Любопытно, на Николиной Горе, где они живут, и в редакциях общественно – политических газет, с которыми сотрудничала Альбина, все давно всё знали. Один Михаил оставался в неведении или знал и терпел? Альбина дочь одного из сопредседателей Госдумы, и терять важного тестя не решался? Кто знает правду? Многие мужчины настолько уверены в себе, что не замечают очевидного, а жены изменяют им. Пример – мои подруги Лиля, Маша, Женя. Постоянных любовников не имеют, не бегают на свидания, не назначают их, а если подвернется случай, и достойный внимания мужчина потянет в постель, не откажут себе в удовольствии испытать новые ощущения, почувствовать себя желанной. Как правило, такие встречи ограничиваются одной – двумя, и редко, когда повторяются время спустя. Любовные и сексуальные приключения для них важная составляющая жизни. Порой важнее, чем дети, подруги, деньги, когда не нужно задумываться, где их взять.

Спустя две недели после «девяти дней», позвонил Михаил, принялся уговаривать встретиться. В итоге долгого разговора дождался, и я согласилась поужинать. Понимала, необходимо прийти в себя после долгих переживаний, развеять-

ся, в зеркале видела, что и лицом сдала.

Договорившись о свидании, он спросил, заехать за мной или встретимся на нейтральной территории – в ресторане. Я выбрала второе.

Он был предупредителен и мил, клал руку мне на коленку, жал руки. Прикосновения были нежными. Мы никого не замечали вокруг, говорили об общих знакомых, подтвердилось наше общее увлечение литературой. Как и я, он прочитал все книги Дэна Брауна, читал Кундеру, не терпел попу и современные мюзиклы с их дебильными сюжетами, любил путешествия, и в отличие от меня лучше знал географию. Миша закончил МГУ, мой кругозор обязан Валерию, привившему вкус к чтению, и семье Комаровских, с их громадной библиотекой.

– В наших пристрастиях и увлечениях мы похожи, и в характерах много общего, – определил Миша, ласково поглаживая мою руку.

Несколько раз выходила в туалетную комнату, подкрашивала губы, поправляла прическу, подолгу рассматривала себя в зеркало. Стремилась убрать с лица переживания последних недель. Мужчинам я нравлюсь, не преувеличиваю. Горжусь своими формами, моя грудь и бедра очень даже возбуждают и, сегодня перед Мишей я предстала в самом соблазнительном виде. Миша был у моих ног, готов ради меня на любой поступок. Смотрел на меня так, что я смущалась. Смотрел, как когда-то Ваня, потом Кирилл, глаза излучали влюб-

ленность, а не желание, как у большинства мужчин, оставшихся наедине с красивой женщиной. Пригласил танцевать. Прижимал меня в танце, и я с удовольствием ощущала терпкий мужской запах хороших сигарет, незнакомого парфюма. Переживала кайф, которого давно не испытывала.

Вспомнили Ниццу, и Миша предложил опять слетать в любой день. Самолет отца или фирмы, я так и не поняла чей, был в его распоряжении.

– Давай прямо сейчас, а? Отвлечешься от грустных мыслей.

– От них, куда бы не полетела, не избавлюсь. Лечит только время.

Узнав, что приехала без водителя, Миша отобрал у меня бокал, отодвинул подальше рюмку и сказал, что не надо больше пить, раз за рулем.

– У меня таблетки – гаишный прибор ничего не покажет. В доказательство, что мне всё нипочем, поманила официанта и попросила принести еще водки. Позволила себе расслабиться, не думая о последствиях.

– Ну – ну! Люблю смелых женщин! – сказал Михаил и сам демонстративно больше не пил.

Я промолчала, он тоже до самой машины больше не сказал ни слова. Возможно, обиделся на мою холодность. Отпустил свою машину, и открыл дверцу моего бумера, намереваясь везти меня.

– Я в норме, зря волнуешься, – остановила его, и села

на водительское место, ему показала на кресло рядом. Настроение у него упало, но взгляд по – прежнему был влюбленный. Мне стало его жаль. Встречи в ресторане для меня оказалось мало, чтобы забыть обо всем на свете. Пришла неожиданно мысль: может привезти его к себе? В конце концов, я могу позволить себе основательно расслабиться.

Включила мотор, спросила.

– Куда едем?

– Решай сама. Может, я сяду за руль?

– Еще чего! – Нажала на газ и медленно тронулась. Достала мобильник и набрала номер люблинской квартиры, затем позвонила Лане на сотовый, спросила о планах на сегодня. Она успокоила, в Люблино не собирается, и я повернула в сторону Волгоградского проспекта. Миша включил радио «Шансон» и не спрашивал куда едем.

– Не против радио? Я не горячий поклонник блатной музыки, но это одна из немногих радиостанций, где песни имеют содержание, заставляют сопереживать.

– А «Ретро», «Мелодия», «Серебряный дождь», еще с десятков станций, – не согласилась я. – У них тоже много приличной музыки.

– С первыми двумя согласен, на «Серебряном дожде» великолепны только утренние программы Володарского и Соловьева, а музыка – сплошь иностранщина.

У въезда в подземный гараж, моего люблинского дома, мы вышли из машины, я передала ключи дежурному и пове-

ла Мишу к лифту. Он не сразу понял, что привезла к себе, но не спрашивал и не удивлялся.

Отомкнула все замки, открыла дверь, и оказалась у него в объятиях. Он сжал меня и принялся истово целовать, схватил за руки, понес в глубь квартиры.

– Подожди! Дай сниму с охраны квартиру, а то приедут, объясняй потом.

Я позвонила, он отобрал трубку, и понес дальше в комнату. В глазах горел страстный огонь, губы шептали разные нежности, я закрыла глаза и полностью отключилась. Безропотно разрешила расстегнуть молнию на спине, руки его пытались раскрыть застёжку на бюстгальтере.

– Подожди, платье разорвешь! – наконец, пришла я в себя. – Позволь, я сама.

Я сняла платье, он снова набросился. На этот раз ему удалось расстегнуть бюстгальтер и, сняв его, жадно кинулся целовать стоящие торчком соски. Я люблю, когда мужчина тискает их, млею от удовольствия. Рука его тем временем расстегивала пояс. Несмотря на неудобную позу, мне удалось помочь, и теперь рука Михаила залезла мне в трусики, погладила живот, скользнула ниже. Колени мои подгибались, я не могла стоять, страсть сжигала и, потеряв способность говорить, молча повалилась. Михаил подхватил, уложил на диван, и раздевал дальше. Я закрыла глаза, подхваченная вихрем страсти, ничего не соображая в эти секунды.

Когда все свершилось, и я стала соображать, увидела: оба

на половину голые в гостиной на диване. На полу в беспорядке разбросана вперемежку моя и его одежда. Я встала, прикрылась и пошла в ванную. Когда после душа вернулась в гостиную, Михаил в плавках ждал своей очереди в душ и пока рассматривал обстановку комнаты. Спросил:

– Твоя квартира?

– Снимаю для любовных утех. Нетерпелив же! Вместо того чтобы, не торопясь, как настоящие любовники, принять душ, пройти в спальню, набросился, не дал прийти в себя с дороги.

– Желание переполняло, не в силах был остановиться, прости. Наваждение какое-то, не понимал, что делаю, отдался на волю чувств.

Отправила его в ванную, сама занялась наведением порядка. Зашла в спальню, проверила постель – все блистало нетронутой чистотой. В шкафу лежали выглаженные и накрахмаленные постельные комплекты.

– Лена, ау! Где ты? – кричал из коридора Миша. Обойдя все комнаты, нашел спальню.

– Готовишь стационарный сексодром? – Обнял меня. Поясок халата, под которым голое тело, развязался, и я оказалась прижатой к его волосатой груди. Он принялся целовать меня сверху донизу, повалил на кровать. Я с трудом вырвалась, встала на ноги, запахнула халат и завязала поясок.

– Дорвался? Затерзал. Потерпи немного. Разберу постель. И вообще, не торопись, надень на себя что-нибудь. Можешь

в ванной халат взять. Он, правда, дамский, зато не будешь соблазнять меня. Пошли на кухню, выпьем чего—нибудь, охладимся.

Холодильник был полон напитков и пива. Я достала себе минералки, Миша открыл банку джина.

– Можно покурить?

– На полке, вон, сигареты, – я показала, где лежала пачка начатых «ESSE». – Тоже закурю, успокоюсь.

Мише женские сигареты не понравились, и он пошел к одежде за своим «Парламентом». Мы задымили, попивая каждый своё.

– Что воду хлещешь? Вон, какой богатый ассортимент напитков приготовлен нам.

– Ты не видел еще коллекцию в баре! Умеешь сбивать коктейль?

– Коктейль тебе сделать?

– Кроме минералки ничего не буду. Себе сделай, если хочешь.

Мы молча еще покурили, каждый думал о своем. Михаил заговорил первый.

Техника у тебя классная, – он показал в открытую дверь на музыкальный центр в соседней комнате. – Квартиру держишь специально для свиданий?

– Хам, ты, Миша! Юмора не понял. Первый раз решилась привести любовника в свою квартиру и, пожалуйста, принял за потаскушку.

– Извини, пожалуйста, – он встал и обнял меня. – Не то хотел сказать.

– Моя первая и единственная квартира в Москве.

– Я считал – в Жуковке.

– А твоя – на Николиной горе?

– На Николиной горе загородный дом. Большую часть жизни провожу в городской квартире.

– Чего же удивляешься, что и у меня в городе квартира. Не поведение Кирилла, согласилась бы привезти к себе? Да ни за что! После всего, что свалились на меня в последнее время, позволила себе оттянуться. В конце концов, я живая, молодая женщина. Ты мужчина видный, не болтливый, почему не развлечься?

Объяснила, это просто минутный порыв, о котором завтра оба забудем. Сегодняшняя встреча единственная и последняя, любовницей ему не буду. Рассказала о первой и единственной любви к Ване, как выдали за Валерия, а потом испугалась одиночества и выскочила за Кирилла, теперь раскаиваюсь.

Ночью мы оскверняли нашу с Валерием постель. Михаил не первый, кого мое либидо привело сюда. Не будь уверена в смерти Валерия, не позволила бы себе. Постель в Жуковке не знала чужого. Моё поведение и образ жизни не похожи на жизнь скромной послушницы, но в душе продолжаю оставаться сентиментальной.

Михаил встал в семь утра, я тоже проснулась.

– Любимая, вынужден покинуть. Не обижайся. Важная встреча.

– Мавр сделал свое дело, может идти.

– Зачем ты так? Если дождешься, часам к трем вернусь, и мы продолжим каникулы любви. – Он поднял мою голову с подушки и поцеловал в губы, потом в щечки и лоб. – Как вызвать такси, скажи адрес.

После бурной ночи хотелось спать, была довольна, что он уходит, и не будет приставать. Достаточно удовольствия за долгое воздержание. Я продиктовала адрес, и Михаил вызвал такси. Проводила до двери. Он поцеловал и ушел.

Легла, а спать расхотелось. Задумалась, что дала мне эта встреча? Удовлетворила физиологические потребности тела и больше ничего. Нет, с Михаилом всё иначе, возможно начинается что-то большее. Любовь? После Вани не раз возникали чувства, которые принимала за зарождающую любовь, которая навсегда избавит от него. Проходило время, понимала, что люблю одного Ивана, и никто не заменит его. Неожиданно пришло объяснение моим поступкам. Чувства к мужчине пробуждала во мне материнский инстинкт, мужчине, который мне нравился, хотела сделать приятное. И не только ему. Себе тоже. Валеру не любила, но не изменяла ему, пока не исчез. Кирилла любила, и решилась на измену лишь в отместку за его роман с компаньонкой по бизнесу. Случилось это на четвертом году совместной жизни. Дочь главы немецкой фирмы, сотрудничающей с Комаровскими, Эльза,

часто приезжала в Москву и Кирилл, владеющий немецким, постоянно занимался с ней. Совместный труд, командировки в Германию, где Кирилл останавливался не в отеле, а в доме компаньонов, способствовали их сближению. В итоге они стали любовниками. Мы серьезно поговорили, и он поклялся, что любит только меня, у нас сын. Обещал оставить Эльзу. Серьезно предупредил его отец, загрузил работой, чтобы не оставалось времени на амуры. Ничего не помогло. Эльза продолжала приезжать в Москву, и Кирилл снова встречался с ней.

Продолжая размышлять о своих отношениях с мужчинами, я заснула. Проснулась от громкой мелодии дверного звонка. Обычно, уезжая, я отключала звонок, вчера, помнится, не включала. Звонок, однако, продолжал петь мелодию из «Мужчины и женщины». Пришлось встать, надеть халат. В глазок увидела мужчину с букетом и решила открыть.

– Елена Алексеевна? – спросил посыльный. Я кивнула. – Это вам. Распишитесь, пожалуйста, – он протянул небольшой блокнот, я расписалась.

– Подождите, я сейчас, – сказала я, взяла букет и направилась за сумочкой, взять мелочь для посыльного. Он понял и категорически отказался.

– Я не из «Добрых услуг», – объяснил посыльный и пошел к лифту.

Развернула букет и насчитала двенадцать красных роз. Внутри Мишина визитка:

«Михаил Давидович Халецкий, начальник отдела маркетинга», далее приводилось длинное название фирмы и телефоны. Я набрала номер, который забит у меня в трубке.

– Миша? Огромное спасибо!» Давно не дарили мне цветов. Тем более розы. Еще раз спасибо!

Он сказал, что ни на минуту не может избавиться от мыслей обо мне, и надеется, вечером увидимся. Мне не хотелось разочаровывать его, и я не отказала сразу. Пообещала, что подумаю, позже созвонимся.

Нашла вазу, налила воды, поставила цветы. Снова взяла в руки визитку.

Халецкий. Стопроцентный еврей. Что-то стало везти на евреев. Кирилл наполовину, отец его Георгий Семенович записан белорусом, Софья Михайловна еврейка. Она мечтала женить Кирилла только на еврейке. Свёкор, скорее всего тоже еврей. Везет мне на евреев, – пронеслось в мыслях.

Ждать меня Михаилу придется долго. Вспомнила, что планировала сегодня, вечерним поездом выехать в Самару. Спросила совета у Георгия Семеновича с чего начинать по-иски сестры. Ответ его не претендовал на оригинальность – с роддома. Единственно полезную мысль подсказал, снять с карточки, и всегда иметь при себе достаточное количество тысячных и пятисотенных купюр, не жалеть их, оплачивать каждую информацию. «Ничто так не экономит время, как деньги».

Игорек привык жить у бабушки с дедушкой, и когда я сказала, что уезжаю дней на пять, он только спросил, а когда приедешь, в зоопарк пойдем?

Взяла его на руки, подбросила и поймала, расцеловала.

– Обязательно пойдем.

– Я свожу его в цирк, – пообещала Софья Михайловна. – В зоопарк водишь каждую неделю. Езжай спокойно, скучать Игорьку не дадим.

– Нет, в зоопарк! Тигров и львов посмотрим.

– В цирке тигры интереснее, – сказала бабушка, – Ученые.

– Правда, мама? Когда мы с тобой ходили в цирк, только слонов и козочек показывали.

– Теперь другая программа. Тигры играют в мяч, и прыгают через огонь.

Игорек повернулся к бабушке и потребовал ехать сейчас же.

Позвонила Ларисе в салон, предупредили, что на неделю уезжаю, если возникнут проблемы, пусть, не стесняясь, звонит. Пригласила с собой Лану.

– Вместе займемся расследованием. У тебя опыт в таких делах. Позже статью напишешь, а может и на книжку хватит приключений.

– Ленок, всю неделю в Москве уйма дел. Если у тебя застопорится, я приеду, и папу подключу.

Другим приятельницам сообщать об отъезде не стала. Приеду – расскажу, повод будет встретиться. Долго сомневалась позвонить Михаилу или по – английски без предупреждения исчезнуть из его жизни. Так ведь начнет наводить справки, светиться! Лучше сообщить. Позвонила. Он пожалел, что не встретимся, предложил увидеться вечером в субботу в Москве или Самаре, если останусь там на уик-энд.

– Уверен, должны встретиться? Ведешь себя, словно я твоя невеста. По делам еду, рассказывала. Вернусь в Москву, решу, стоит ли нам встречаться.

– Лена! Леночка! – взмолился он. – Во сколько у тебя поезд, можно, приду проводить?

С трудом убедила не приходить и не искать сегодня встречи. Спросила охранника Сашу, может ли на недельку покинуть Москву. В Самаре будут необходимы колеса, и я попросила пригнать мою машину. Он с радостью согласился,

вспомнил, очевидно, своих любовниц. Командировки Саша любил и обещал вечером выехать, чтобы завтра встретить меня в Самаре.

Сегодня был только ташкентский поезд. Обычно я ездила «Жигулями» или летала, о ташкентском поезде слышала страшные истории. Позвонила в авиасправку, самолет будет лишь под утро, – значит бессонная ночь. Спросить у Михаила самолет? Обязанной быть не хочу. В конце концов, куда спешу? Могу поехать и завтра. Однако решила позвонить Наталье, занимавшейся транспортными проблемами обитателей Рублевки. Она обещала перезвонить и сказать, что может предложить. Через полчаса Наталья позвонила и убедила воспользоваться ташкентским поездом.

– VIP – вагон, одноместное купе. Запрешься и нечего бояться. Не общий вагон – никто не пристанет.

Я согласилась и начала собираться в дорогу.

Самара встретила, как обычно бардаком. Из поезда заказала такси, назвала вагон, место, надеялась, встретят. Но Самара осталась Самарой. Никто не встретил, и самой пришлось тащить чемодан, благо не тяжелый и на колесиках; остальные вещи Саша на машине привезет. Заумный архитектор спроектировал новый вокзальный комплекс на западный манер, да забыл, на Западе не столько пассажиров. Потолкалась в очереди, пока впихнули в кабину лифта, чтобы подняться с перрона, потом потащила через зал на улицу. Сергею следовало позвонить, а я не захотела обременять его.

В здании вокзала леваки на разные голоса зазывали отвезти в Зубчаниновку или на Красную Глинку, в центр ехать не соглашались – слишком близко. На вокзальной площади села в первое же такси.

– Гостиница «Три вяза», – назвала я адрес.

– Сто! – воскликнул шофер.

В гостинице, слава Богу, встретили нормально, меня ждал приличный номер, заказанный Комаровским – старшим. Обычно я останавливаюсь у Сергея – брата Валерия в его городской квартире или таунхаузе за Центральным парком. В этот приезд предполагались визиты, телефонные звонки и я предпочла не беспокоить его.

Приняла ванну, позвонила Сергею Александровичу, сообщила, я в Самаре.

Он выговорил, что выбрала гостиницу, а не остановилась у него. Новостями о сестре не обрадовал. Заезжал в родильный дом и кроме ремонтных рабочих никого не застал. Не помогли Сергею и в Управлении здравоохранения, найти кого-то из персонала 1975 года практически невозможно. Главных врачей в роддоме за годы сменилось не меньше десятка.

– Документы должны сохраниться, – прервала его.

– Спрашивал. Если что-то и сохранилось, то в городском архиве. Архив несколько раз переезжал с места на места. Откровенно, некому было поручить, я, знаешь, постоянно в делах, командировки. Что можно выяснить за две недели? Са-

ма займешься.

Поблагодарила его, и пообещала вечером заехать.

Пока приводила себя в порядок, сидела в ресторане, объявился Саша. Он выехал из Москвы накануне в шестом часу вечера и за семнадцать часов одолел тысячу километров не ахти какой дороги.

– В Пензе остановился отдохнуть. Поспал часов пять, и утречком тронулся, – рассказывал он. – Дорога перегружена, местами очень узкая. В среднем, скорость держал около восьмидесяти.

– На тебя не похоже. Думала, будешь гнать на ста пятидесяти и окажешься в Самаре раньше меня, – посочувствовала я, вспоминая, как на нашей загруженной 105 – й магистрали выжимал сто двадцать.

– Не европейский автобан, и даже, не наше Рублево – Успенское шоссе.

– Перенеси, пожалуйста, мои вещи и отдохай, номер твой рядом. Женщин, пожалуйста, не приводи. Разговоров потом не оберешься. Пока еще день, смотаюсь на такси в роддом, а вечером поедem к моим родственникам. Насчет стоянки для машины я договарюсь.

Саша выразил желание везти меня и сейчас, но я отказалась. Пусть отдохнет с дороги, приведет себя в порядок. Впрочем, он всегда в порядке, упакован в лучшие шмотки и к месту. Я забочусь о гардеробе моих служащих. В фешенебельных заведениях, его нередко принимали за моего ка-

валера. В охранники его рекомендовал Георгий Семенович, когда мы поженились с Кириллом. С тех пор Саша незамеченный помощник – охранник, водитель, личный секретарь. До службы у Комаровских, он окончил факультет физической культуры, работал тренером по дзюдо и охранником в «Метелице».

В первые дни, как стал моей тенью, я побаивалась – парень молодой, знающий себе цену, гормоны играют, вздумает еще приударить за мной. Наслушалась историй, когда приходилось менять охранников, забывавших для чего они наняты. С Сашей мы были на «ты», но соблюдали дистанцию, и он не позволял лишнего. Сопровождал меня в рестораны, обязательно в ночные клубы, на рынки. Брала с собой за границу, если ездила одна. За четыре года ни разу не позволил себе лишнего.

Роддом номер один такая же достопримечательность для самарцев, как нескольким поколениям москвичей роддом имени Грауэрмана на Арбате. Всё довоенное и первое послевоенное поколение прошло через него. Много позже, когда появилась Безымянка, новые микрорайоны, население города увеличилось, настроили новых больниц с родильными отделениями и старинный роддом уже не пользуется былой славой. Мама жила в центре и её привезли на Льва Толстого – в роддом номер один. Не раз, показывая на этот дом, она повторяла, что здесь на втором этаже, я впервые увидела белый свет.

Подъехав к знакомому дому, сунула водителю сотню авансом и попросила подождать, пообещав, еще заплатить. Внешне ремонт дома завершен. Я долго стучала в закрытые двери, пока не отворили, и на пороге показалась пожилая женщина в халате. Поинтересовалась, кого мне надо, услышав, что главного врача, покачала головой.

– Еще не назначили. Прежняя устроилась в Пироговку и не вернется. Мы, считай, два года не принимаем рожениц.

– А вы давно здесь работаете?

Она не ответила.

– Начальства нет, попрошу! – Женщина открыла дверь, неучтиво выпроваживая меня к выходу. – Завтра будет исполняющая обязанности.

Я открыла сумочку, протянула ей пятисотенную.

– Можно поговорить с вами?

Женщина не сразу взяла деньги, а, взяв, долго рассматривала, словно видела впервые, и никак не могла сообразить с какой стати, молодая прилично одетая женщина сует ей деньги. Купюра сыграла свою роль. Не убирая её, женщина смилостивилась, закрыла дверь и пригласила в комнату, в беспорядке заставленную стульями, наверное, со всего этажа.

– Заходите. О чем хотите говорить? Я нянечка всего – на- всего, подрядилась убрать после ремонта комнаты на первом этаже.

Объяснила, что хочу встретиться с ветеранами роддома,

работающими в семидесятые годы. Нянечка, назвавшаяся Ниной Петровной, объяснила, что в роддоме недавно, и посоветовала прийти завтра, когда будет исполняющая обязанности главного врача или дожидаться окончания ремонта и посмотреть личные дела работающих. Попрощавшись, я поехала в гостиницу. Проезжая по центральной торговой улице, в фирменном магазине Ив Рош купила подарок жене Сергея Александровича кое-что из косметики, на стол взяла торт.

У брата первого мужа я родной человек. Помянули Валерия и мою маму, выпили за упокой их душ. Мама Валерия и Сергея – Евдокия Андреевна пожалела, что с Кириллом всё пошло наперекосяк, напомнила, не послушалась её, пошла в еврейскую семью.

– Еврейские семьи обычно крепкие, – не согласилась со свекровью жена Сергея Людмила.

– У Комаровских ничего еврейского, кроме фамилии. У отца Кирилла польские корни, в который раз объясняла я. Евдокия Ивановна продолжала считать семью еврейской. Сергей и Людмила советовали, не раздумывая, разводиться.

Я поделилась первыми шагами поисков сестры. Сергей неожиданно вспомнил прошлогодний инцидент в Питере, когда принял молодую женщину за меня.

– Стою в очереди на Малой Морской в авиакассах, впереди двое. Вдруг подходишь ты, говоришь: я за молодым человеком заняла и отошла в справочную, становишься впереди,

не обращая на меня внимания. Я, хватаю тебя за плечи и поворачиваю: Алена, ты что, не узнаешь?

– Что себе позволяете? – возмутилась девушка. – Обозначись, а хватать чего! Милиционера позвать?

Я стою, хлопаю глазами, ничего не понимаю.

– Ты, Лена, или нет?

– Никакая вам ни Лена, спутали с кем-то!

Пришлось извиниться. Девушка твоя точная копия! На похоронах мамы, я не вспомнил ту встречу, а когда уехал, стукнуло. В Питере встретила твоя сестра – близняшка! Искать надо в Питере!

– Может, как и ты приезжала по делам из другого города, – заметил Максим, его сын.

– Не исключено, – согласился Сергей. – Не прислушивался, куда она брала билет.

На следующий день я встретила с исполняющей обязанности главного врача. Она уже была в курсе моего интереса и что-то заподозрила.

– Какой год вас интересует? – спросила с порога. Услышав про середину семидесятых, успокоилась и стала доброжелательнее, даже улыбнулась.

– Так старо выгляжу, что могла в те годы работать?

– Извините, ради Бога! Не вас лично имею в виду. Прошу

только познакомить, свести с кем-то из тех людей.

– Зачем вам? Хотите встретиться с акушеркой, что принимала вас?

Я кивнула.

– Роды были неудачные?

– Нет – нет, что вы! Мама тогда не отблагодарила акушерку и завещала найти её, отблагодарить. Обещала маме.

– А что с вашей мамой, судя по вашему возрасту, она не была старая?

– Рак, – не соврала на этот раз я.

Вам следует обратиться в райздрав. Я здесь сравнительно недавно. В коллективе есть люди, десятилетиями работающие здесь, но назвать конкретно... Откроемся через две недели, люди выйдут на работу, тогда и приходите.

Я, молча, положила перед ней тысячную купюру. У нее от удивления глаза полезли на лоб.

– Мне? За что?

– Ускорить процесс.

Она передвинула купюру ко мне. Я объяснила, что приехала из Москвы и время лимитировано.

– Не представляю, как вам помочь. Могу назвать двух акушеров, очень давно работают, но как их найти, как давно работают – не знаю. Кадровичка еще не вышла, чтобы посмотреть личные дела.

Я записала фамилии и поднялась, поблагодарила за уделенное время.

– Деньги заберите! – потребовала врач.

Объяснила, это плата за потраченное на меня время, она продолжала отказываться, и я забрала деньги. В провинции сохранились еще гордые люди, – подумала я. – Москвичка взяла бы, не раздумывая.

Саша, ожидавший в машине, по моему лицу догадался, визит безуспешный.

– Едем в Адресный стол, – сказала я.

Дежурная потребовала кучу дополнительной информации о разыскиваемых женщинах – год и место рождения. Пришлось долго её уговаривать и только после того, как вместе с листком запроса в окошечко упала голубая купюра, девушка согласилась выдать компьютерную распечатку всех Воронцовых и Бодровых старше сорока пяти, проживающих в Самаре. Их набралось полторы страницы.

Саша, увидев список, предложил выбросить его и дожидаться, когда откроется после ремонта роддом, выйдет на работу сотрудница отдела кадров, и посмотреть личные дела. Не создавать себе неразрешимые проблемы. Ждать две недели я не собиралась, и не верила, что в указанный срок роддом откроется.

– Нет, Саша! Ждать две недели не будем.

Вернувшись в гостиницу, я усадила Сашу за телефон, по адресу и фамилии проверить, имеется ли телефон. Сама спустилась в ресепшен на первом этаже и уговорила администратора дать на пару часов прошлогодний справочник «Вся

Самара». Пока Саша из своего номера звонил на ноль девять, я выписывала телефонные номера из справочника и звонила по ним. Повезло, что фамилии не так распространены, как Самарины или Семеновы. Через час у меня остались пять номеров, по которым никто не ответил. Абоненты остальных не имели отношения к моим поискам.

У Саши дела двигались медленнее. Телефонистка не давала больше одной справки. Приходилось снова и снова набирать справочную. В итоге, к концу дня наш список сократился до девяти адресов и фамилий без телефона, четырех номеров, по которым так и не удалось дозвониться.

Около гостиницы встретилась одноклассница Наташа и уговорила вечером приехать к ней на скромный девичник. Планов на вечер я не строила и согласилась. Саша отвез меня, вернуться планировала на такси. Он спросил разрешение воспользоваться машиной и посетить нескольких девиц, с которыми познакомился в наши прежние визиты. Я позволила, напомнив, что Самара город бандитский, и, если оставит машину, где попало, могут увести.

У женщин Саша пользовался успехом, в свои тридцать четыре не торопился жениться. Среди его подруг жены и любовницы олигархов во всех элитных поселках Подмосковья. Своими похождениями часто рисковал, однако азарт охотника побеждал. Как никто из обманутых мужей не застрелил – загадка. Подозревала, что его услугами изредка пользуются кое-кто из моих подруг. Ни они, ни Саша со мной

не откровенничали, возможно, сплетня. Он умудрялся найти подругу на ночь и за границей, владея всего десятью английскими фразами. И они не были уличными проститутками, до них он не опускался. В Самаре, в прошлый приезд умудрился переспать с моей одноклассницей – разведенкой Тamarой Воробьевой. Сама мне призналась. Очень хвалила Сашу в постели и удивилась, что я до сих пор не изменила мужу с ним. Ответила ей, что у меня иммунитет к подчиненным, никаких интрижек не позволяю себе. Я не могла даже представить его у себя в постели. Желания никогда не возникало.

На девичник к Наташе пришли моя тетка Лена Попова, Ира Розова и Катя Смирнова. Мы перецеловались, словно не виделись сто лет, хотя кроме меня все живут в одном городе, да и я два – три раза в год приезжаю. У всех собравшихся одноклассниц благополучные семьи, мужья, по ребенку, у Наташи даже двое. После короткого обмена новостями, Наташа поторопила за стол. Детей отправила к бабушке, а муж, встретив меня, ушел к соседу на преферанс. Стол был обильно уставлен всякой вкуснятиной, красовались бутылки с французским вином. Самарцы не отставали от москвичей. Муж Наташи Константин работал в самарском филиале «Берта – банка» и достойно обеспечивал семью.

Я поставила на стол две привезенные из Москвы бутылки «Вдовы Клико». Кате единственной не довелось еще попробовать это шампанское, и она обрадовалась случаю. Осталь-

ные не выразили ни удивления, ни восторга.

– У нас в «Патэрсоне» продают, на праздники изредка берем, – заметила Ира.

Ее муж врач – невропатолог недавно открыл частную практику, и семейные дела быстро шли в гору. Муж Лены член совета директоров подшипникового завода, точнее имущества, оставшегося от завода, тоже хорошо зарабатывал. Муж Кати занимался строительным бизнесом и в последнее время не очень преуспевал, но семья тоже не бедствовала. Из четырех моих близких подруг работала одна Ира в архитектурной мастерской. Остальные занимались детьми, вели праздный образ жизни.

На мое замечание, что женщина, как бы ни обеспечивал муж, должна иметь свое дело, а не зависеть от него и томиться от скуки, обиделась Катя, приняв упрек на себя.

– Сама круглый год катаешься по курортам, развлекаешься, ухаживаешь за собой. Я же, как белка в колесе кручусь. Ребенок, рынок, магазины, готовка.

– Давно говорим, найми домработницу, – заступилась за меня Наташа.

– У меня салон мод. Знаешь, сколько проблем приходится решать! Люди под моим началом работают.

– Имея столько денег, и я открыла бы какой –нибудь салон или фитнес – клуб, – мечтательно заметила моя тезка Елена. – Кстати, рассуди нас. Раз ты в модельном бизнесе, должна знать профессионально. Мы поспорили, насколько

велика и в чем разница между одеждой от кутюр и pret-a-porter? Последняя, ведь тоже не ширпотреб.

– Нет, конечно, ни в коем случае, не ширпотреб. «От кутюр» – уникальное творчество, как правило, известных модельеров Домов мод, что задают тон в моде. Обычно в едином экземпляре, часто по заказу клиента.

– «Прет-а-порте» – тоже высоко качественная одежда. Сохраняет качество и шик Дома моды, но доступней по цене, в ней меньше ручной работы и пошита не в одном экземпляре, а небольшой партией. Продаётся в маленьких магазинах – бутиках, принадлежащих тому же известному кутюрье или салону «высшей моды». Разница в ценах между моделью «от кутюр» и «прет—а—порте» на порядок.

– В твоём салоне, что шьют? – спросила Наташа.

– Индивидуальные заказы, что разрабатывает мой модельер по просьбе заказчицы, эксклюзив, можно назвать «от кутюр». Модели, которые выпускаем небольшой партией, естественно – «прет-а-порте». Никогда не задумывалась. Шьем, что заказывают. От кутюр шьют общепризнанные в мире мастера. В России Зайцев, Парфенова, Юдашкин. Зарубежных вы без меня назовете – Версаче, Гальяно, Диор, далее по алфавиту.

С подругами юности отдыхала душой, мысли о маме отошли, отпустили.

Я привезла с собой DVD – диск со школьными и семейными фотографиями. Когда шампанское закончилось, Ната-

ша включила DVD – проигрыватель и на экране телевизора мы смотрели школьную фотолетопись. Я собрала все школьные снимки и записала на диск, озвучила приятной сентиментальной музыкой из сеансов Анатолия Кашперовского. Каждая фотография вызывала у одноклассниц взрыв эмоций и воспоминаний. Вот наш класс выстроился на общую фотографию после первого класса. Это – после второго и так далее. Сохранились фотографии за все годы учебы. На экране появились снимки Ивана, и разговор перекинулся на него с Зиной.

– Силком женила на себе, – сказала Ира, увидев фото Вани – десятиклассника. – Помню, мы встретились в кафе, за месяц до их свадьбы. Поделился, что продолжает думать о тебе, и не может отказать Зине. Она с седьмого класса безответно его любит. Возмущался, как ты могла уступить давлению матери, выйти за богатого дяденьку.

– Постоянно строила козни, пыталась поссорить нас. Знала бы, как я его любила! И сейчас люблю. Позови меня, в чем есть побегу.

– Второй раз вышла по любви? – спросила Катя. – На BMW рулишь, «Вдову Клико» попиваешь, по заграницам мотаешься – сказка, а не жизнь. Выйдя за Ваню, имела бы такие возможности?

– Почему не нашла Ивана после несчастья с Валерием? У них с Зинаидой еще не было ребенка, – спросила Наташа.

– Вспомни, я же приезжала в Самару, ездила к нему в Пи-

тер. Забыла, какой принципиальный? Не простил. Что мне оставалось? Бросилась в круговорот жизни, влюбилась в Кирилла.

Не стала говорить девчонкам, что теперь наша с Кириллом жизнь дала трещину, и мы на грани развода.

– Знаешь, Ксению Полянски на Рублевке? – спросила Лена.

– Знакома, а что?

– Конечно, читала «Commonness». Скажи, вы, жены – олигархов, действительно ведете жизнь, как описано в романе?

– Муж у меня не олигарх. Что касается романов Полянски, в них всё правда. Один к одному. Немного, конечно, приукрашено, как киллера нанимала, присочинила. Про наркоту сгустила краски.

– Видела её в энтэвэшной программе, которую вела с очаровашкой Перником. Вот кто, красавец, а она – ничего особенного, голос писклявый, как у игрушечной куклы. Да и книги пишет не она, читала я в «Экспресс – газете», – снова вступила в разговор Катя.

– Читай серьезные газеты. Естественно, в издательстве что-то подправили, улучшили. Ксения талантливая женщина. Прочитай еще ее книги «Секс? Но – amour» или «Твое счастье завтра», по-другому станешь относиться к ней, – заступилась я за Ксению. Мы не подруги, встречаемся иногда, и не хочу, чтобы о ней плохо думали.

– Первая ее книга очень любопытная, я с удовольствием за день и ночь, не отрываясь, прочитала от корки до корки, – вступила в спор Наташа. – Но лезть в «ящик», да еще ведущей программы, совсем не обязательно.

Девчонки сыпали вопросами, как живут олигархи на Рублевке. Я убеждала, что олигархов там, пальцев одной руки хватит сосчитать, а в основном просто обеспеченные люди.

Катя вспомнила про интервью первого российского миллионера Артема Тарусова в молодежной газете, и спросила, правду ли он рассказывает про жен богачей, готовых ради престижа платить по 70 тысяч долларов за рубашку, а на пляже обливаются «Вдовой Клико», чтобы охладиться?

– Не знаю, – честно призналась я. – Знакома со многими женами богачей. Все они прижимисты, и денег на ветер не бросают. Бывала на Ривьере, где, как пишут желтые газеты, на своих вечеринках русские дамы вытворяют черте что. Не заметила. Возможно, мужья – олигархи с юными любовницами обливаются шампанским, мне не довелось испытать или увидеть.

– Тебя, возможно, на закрытые VIP – вечеринки не приглашали, – не сдавалась Катя. – Читала в «Экспресс – газете», что творят русские на Лазурном берегу!

Я умерила её восторги и посоветовала не завидовать богатым женам.

– У каждой есть какой-то свой пунтик, в котором она несчастна. Не всё так безоблачно, как ты думаешь. От счаст-

ливой жизни, считаешь, светские дамы заводят любовников, пьют водку «Калашников» и не могут без кокса? Живут в вечном ожидании «завтра»? Завтра наступает, а счастье, которое должно было прийти, опять переносится на следующее завтра. Поневоле завоешь. Кстати, романы Ксении подтверждают это.

Наташа с Леной поддержали меня.

– Катюша, ты слишком серьезно воспринимаешь все, что печатают желтые издания.

Закончив споры о светской жизни, рассказала о смерти мамы и цели нынешнего приезда в Самару. Девчонки поохали, повздыхали, высказали кучу предложений, в каком направлении вести поиски, большей частью бесперспективные.

Третий день в Самаре мы с Сашей посвятили продолжению проверки адресов, полученных в Адресном бюро. К концу дня меня вдруг осенило: незачем искать тех, кто дежурил в день моего рождения. Важно установить день выписки и фамилию подписавшей справку в районный ЗАГС для получения метрического свидетельства на меня. Следует заняться архивом Ленинского районного Загса.

В вестибюле гостиницы неожиданно встретила Михаила. Саша дипломатично не узнал его и поднялся к себе.

– Ты как тут оказался? – удивилась я.

Он, молча, чмокнул в щеку, и протянул букет красных роз, не замеченных мною раньше.

– Очень хотел увидеть. В субботу и воскресенье архивы не работают, решил уик-энд можно провести вместе.

– Хотел! – возмутилась я. – Позвонил бы, спросил мое мнение.

– Не позволила бы приехать.

Подумала, он прав. Меня и саму переполняло желание отвлечься от старух – акушерок, заполнявших последние мои дни. Спросила:

– И как тебе видится наш уик-энд, запремся в номере и проторчим двое суток взаперти? Саше, что скажу? Не слепой. Здесь у меня запасной квартиры нет.

– Мы летим в Сочи. В понедельник с утра продолжишь свои поиски. Сегодня, догадываюсь, результатов никаких.

– Пока ничего нового.

Через полчаса я наскоро собрала самое необходимое, и Саша отвез нас в аэропорт. Михаил зашел в соседнее с аэровокзалом здание технических служб отметить, а я пока давала последние инструкции Саше по оставшимся не проверенным адресам. Попрощалась до понедельника.

Через VIP зал Миша провел меня на летное поле к небольшому самолету, похожему на Як – 40, с названием алюминиевого концерна на фюзеляже. Молодой мужчина в летной форме спустил складной трап и помог подняться. Михаил поднялся сам. Я помахала Саше, и дверь задраили. Мужчина, помогавший мне, оказался вторым пилотом, пригласил располагаться и прошел в кабину. Заработали двигатели, самолет медленно покатиł на взлетную полосу. Михаил застегнул на мне ремень безопасности, надел на себя и, склонившись, поцеловал.

– Выпить хочешь? Наберем высоту, – любые напитки, еда, ждут нас.

Я поблагодарила, спросила, в Ниццу, помнится, летали в большом самолете со стюардессой, а этот какой-то маленький и стюардессы не вижу.

– Экипаж три человека. Борт для внутренних рейсов, – пояснил Михаил.

Самолет тем временем вырулил на взлетную полосу, взре-

вели в форсированном режиме двигателя, разговаривать в шуме стало невозможно. Я осмотрела салон, насчитала с десятков кресел и два широких дивана у стола для рабочих совещаний. Как в обычном рейсовом лайнере, за кабиной пилотов служебное помещение, очевидно кухня, увидела микроволновку и электрический чайник.

Самолет незаметно оторвался от земли и лег на курс, ровный шум двигателей больше не мешал разговаривать. Михаил объяснил, что лететь почти два часа, еще час добираться до дома, потом едем в «Жемчужину», на вечеринку с участием известных людей и звезд эстрады.

Я перебила.

– Говорила тебе, не терплю попсу.

– Попсы не будет. Соберется знакомая тебе московская тусовочная и чиновная публика, люди из окружения президента. Сам тоже прилетает сегодня в Сочи на уик-энд, естественно, остановится не в «Жемчужине», а в «Бочаровом ручье». Завтра, возможно, отправится в Красную поляну кататься на лыжах. Не знаю, какой там снег в эту пору. Кстати, как относишься к лыжам?

Объяснила, на обычных катаюсь, а горные лыжи ни разу не надевала. Некому было научить. Валера не успел, Кирилл не любит зимние развлечения. Михаил напомнил, что встречал нас с Кириллом в Куршевеле у подъемника.

– Только не у подъемника! Надеть лыжи, чтобы потусоваться, как многие наши светские дамы – не мой стиль. В мо-

ем тоне ему показалось раздражение, и Миша пожалел меня.

– Устала, наверное, рыскать по адресам, расспрашивать людей? – Я кивнула. – Впереди утомительная дорога. Ложись, отдохни. Признаюсь, и я не прочь вздремнуть часок, целый день на ногах. Выбирай диван, я достану подушки и одеяла.

– Приставать не станешь?

Миша покачал головой, произнес мою любимую фразу «За кого меня принимаешь». Я пошла в туалет переодеться, он тем временем приготовил две постели, разделенные столом. Я легла и быстро уснула.

Проснулась от его поцелуев. Михаил пытался поставить меня на ноги.

– Ну, ты и соня!

– Хорошо подремала, – потягиваясь, произнесла я, и осмотрелась, не сильно ли помяла платье. Табло застегнуть ремни уже горело. – Садимся?

– Через несколько минут.

В Адлере у трапа нас ждала черная «Ауди». Пожилой водитель кавказской внешности подобострастно приветствовал Мишу.

Добро пожаловать, Михаил Давидович! Совсем забыли нас, давно не приезжали. И батюшка ваш всё по – заграницам, а у нас не хуже. Даже лучше.

– Спасибо, Равиль Ахметович. Кто из соседей дома, не видели?

– Рыбалко. Этаж Кирова сияет огнями, самого не видел, может, кто-то из друзей остановился.

Машина неслась по извилистому шоссе на бешеной скорости. Миша что-то рассказывал про своих именитых соседей по дому, из шоу – тусовки, а я убаюканная дорогой, дремала и не слышала. Иногда, когда голос его звучал особенно громко или он толкал меня, согласно кивала и что-то бурчала в ответ.

«Ауди» остановилась у современной многоэтажки рядом с морем. Вокруг дома было светлее, чем днем, вероятно. Десятки светильников и фонарей, контрольные телекамеры и полное безлюдье. Большинство окон в квартирах оставались темными, и дом производил впечатление не жилого. Лишь, когда вошли в подъезд, и увидела консьержа – охранника, цветы, современную европейскую отделку, поняла, дом обитаем.

– Владельцы квартир сплошь москвичи. Певец Ронсон, композитор Раевский, модельер Рубашкин и еще, не вспомню сразу. Постоянно меняются, одни продают, другие покупают. Приезжают обычно на несколько дней, отдохнут и снова чесать по России. Один этаж полностью купил Киров.

– Болгарин Бисер Киров?

– Наш знаменитый певец. Для столичной богемы дом еще один объект недвижимости, – просвещал меня Миша, пока поднимались в лифте,

Я обошла квартиру и насчитала две спальни, столовую

и две гостиных, вышла на балкон, с видом на море. Комнаты обставлены современной мебелью. К нашему приезду натерли полы, пыли нигде не видно, все блестит, и все равно квартира казалась не жилой, словно ты на выставке интерьеров. Не чувствовалось присутствия человека. Я ощутила это, даже если бы предварительно не объяснил, что квартира просто надежная недвижимость.

– Сколько тебе требуется времени на отдых и переодевание? – спросил Михаил.

– Мы спешим?

– Забыла? Не хочешь – никуда не пойдем, проведем тихий семейный вечер. Холодильник, надеюсь, полон.

Тот же водитель на «Ауди» привез нас в «Жемчужину». Ресторан сняла восходящая звезда российской эстрады Алмаз. В прошлом требовались десятки лет упорного труда, чтобы «именем стала фамилия», теперь любая смазливая девчонка с голосом или без, с помощью денег богатого покровителя могла взять себе звучное имя. Вот и наводнили эстраду «Мимозы», «Изумруды» и «Сусанны».

Алмаз на их фоне выделялась звучным, профессионально поставленным голосом. Михаил познакомился с ней на вечеринке в Антибах и обещал прийти на презентацию первого альбома. Представление диска Алмаз решила устроить не в Москве, а в Сочи, у нее на родине, где в эту неделю выступала на фестивале «Молодые голоса». От себя Миша прибавил:

В Сочи сейчас много московских знаменитостей. В столице, где полно светских мероприятий, они вряд ли пришли бы к Алмаз, а здесь все тусуются в «Жемчужине».

Едва мы вошли, к нам подошел мужчина в плаще с капюшоном из белой шерстяной материи, и поздоровался за руку с моим спутником. Михаил представил меня, как московскую знакомую.

– Зиновий Вейцман, – назвался он. Я представилась и спросила, не жарко ли ему в плаще, и что за наряд на нем. Зися, как попросил называть себя новый знакомый, пояснил, это не плащ, а бурнус – обычная одежда кочевых арабов. Удивился, почему мы без маскарадных костюмов.

Михаил ответил, что Алмаз еще в Ницце пригласила на презентацию, и ничего не сказала о маскарадных костюмах.

Устроители вечеринки обставили ее в восточном стиле. Виновница торжества в коротком черном платье и серебристых высоких сапогах была так затянута в корсет, что груди вылезали из глубокого декольте. С головы до пола спускалась накинута сверху черная полупрозрачная ткань, имитирующую чадру, она постоянно раскрывалась, демонстрируя народу мощный бюст и стройные ноги певицы.

Большинство гостей смотрелись комично, мужчины в чалмах, женщины в платочках, изображающих хиджаб. Многие ничего экзотического восточного не нашли и поверх обычного костюма облачились в среднеазиатские пестрые

халаты, на голове тюрбетейка. За соседним с нашим столом сидела явно светская дама с глубоко открытой грудью и дорогим ожерельем на шее, укутанная в паранджу. Ее подруга, тоже в декольте, завернулась в длинную шелковую черную накидку, изображавшую чадру, на голове соорудила подобие тюрбана.

Фишкой вечеринки, оказалось, был не диск, еще не раскрученной певички, а звездные гости. Федя Киров, в поло-сатом арабском халате и в чалме, белокурая красавица Кал-лелия, молодеющая с каждым годом, со своей нынешней по-другой Оксаной Турчак; неудавшаяся участница «Евровиде-ния» с мужем, вездесущий Отари Кобелидзе, певица Крас-ная Роза. Из серьезных представителей шоу – биза – Гарри Алиханов, менеджеры из «МузТВ», депутаты Государствен-ной Думы, люди из Администрации Президента, по долгу службы, обязанные находиться недалеко от него.

Из постоянных тусовщиков, которых можно встретить где угодно, бизнесмены средней руки, юные старлетки, мечтаю-щие подцепить на вечеринке богатого покровителя.

Алмаз представила свою группу музыкантов, произнес-ла обязательные слова в адрес спонсора и запела. Звучный грудной голос плавно полился над залом, обволакивая ме-лодией слушателей. Смолкли разговоры, взоры присутству-ющих обратились на певицу. Я впервые ее слушала, и голос понравился. Способствовала и приятная мелодия, написан-ная, очевидно, профессиональным композитором. Оценили

ее и остальные, аплодисменты долго не смолкали. Следующие две песни были типичной попсой и меня не тронули, Михаил тоже остался равнодушным.

– На вечеринке в Антибе публика собралась немолодая, воспитанная на советских песнях, и Алмаз пела хорошо известные старые песни, – рассказывал Михаил. – Естественно, встречали с восторгом. Мне тогда ее пение понравилось.

– Надеюсь, и сегодня будет исполнять советские песни? Сразу видно, не бываешь на презентациях современных идиолов, – заметила я. – Она представляет песни из альбома. Недалеко от меня живет известная попсовичка Вероника, с которой часто общаюсь, так на корпоративных вечеринках, поет только старую советскую эстраду. А молодежь знает ее по МузТВ, как звезду попсы.

Когда Алмаз запела танцевальные хиты, подвыпившие гости скинули халаты и бурнусы, размотали чалму, и пустились в пляс. Мы продолжали сидеть за мартини, я рассказывала Михаилу о приключениях в Самаре. Беседу прервала громкоголосая Оксана, заметившая меня. Пришлось встать, мы обнялись, поцеловались. Михаила она знала, представлять не пришлось. Он поцеловал ей руку. Выпускница МГИМО, не ставшая дипломатом, не стала расспрашивать, как мы тут оказались. Пояснила, что летом не успела снять часть планов своего фильма о Калелии, сейчас у певицы выдалось окно, и они прилетели в Сочи на съемки. На презентацию неизвестной певицы попали случайно.

Тем временем на сцену поднялся Федя Киров приветствовать восходящий талант, взоры всех обратились на него. Оксана оставила нас и побежала к Калелии оценить событие.

Мы еще посидели, без удовольствия станцевали несколько медленных танцев, один – под повторяющийся глупый рефрен «Он меня не любит, а я заставляю, заставляю полюбить» и стали собираться. Михаил позвонил шоферу, что мы выходим.

Два дня с любовником в красивом южном городе на море пролетели словно миг. Мы успели искупаться в море, позагорать на солнце, посмотреть американскую мелодраму на широком экране. В ночь с воскресенья на понедельник я вернулась в родную Самару. Михаил улетел в Москву. Саша без меня, не дозвонившись по оставшимся телефонам, съездил по адресам. В одной квартире никого не застал, соседи не могли объяснить, кто живет там, хозяева других квартир никакого отношения к роддому не имели.

На девичнике Катя сообщила, что мой последний отчим Владимир Петрович выбился во власть и сейчас заместитель мэра. Когда-то он хорошо относился ко мне, а что с мамой расстались, я не виновата. Не виделись мы давно. Прежде чем отправляться в госархив, решила заручиться его поддержкой и позвонила. Владимир Петрович, выслушав мою

историю, близко принял ее к сердцу и пообещал содействие. Сделала правильно, что обратилась к нему.

В архиве со мной не захотели разговаривать.

– У нас работают аспиранты по рекомендации высших учебных заведений, журналисты, направленные из СМИ, – не приветливо пояснила встретившая меня сотрудница. – С улицы людей не принимаем, справки выдаем по запросам организаций.

Я объяснила, что за меня звонили из Администрации. Объяснение не произвело впечатления. С трудом пробилась к директору, и только она приказала заняться мною.

Сотрудница, которой меня поручили, недовольная блатной клиенткой, услышав, что нужны документы из районного Загса за семьдесят пятый год, безнадежно pokrутила головой, вздохнула.

– Не уверена, что сохранились. Давайте я запишу, и через недельку заходите. Если найду – сделаю копию.

Я протянула зеленую сотенку.

– Копия справки из роддома для получения Свидетельства о рождении нужна в ближайший час – два.

Девушка задумалась, помолчала, взяла сотенку, положила в карман халата и сказала заехать через два часа.

Объяснила Саше, что снова придется сюда приезжать, а пока поедем по оставшимся адресам.

– Не спеши! Дождемся справки из Загса. Если узнаем, кто выписал, не понадобится зря беспокоить людей.

Я согласилась, и мы отправились скоротать время в кафе. Два часа спустя, я снова переступила порог госархива. Повезло. Документы Загса нашлись. Из них следовало, что мое Свидетельство о рождении выписано на основании Справки из роддома выданной 24 апреля. Вместо фамилии в подписи стояла длинная закорючка, прочесть фамилию, кто заполнял справку, не представлялось возможным. Теперь я знала день выписки мамы из роддома, оставалось узнать самое главное, кто из персонала работал 24 апреля.

Достала вторую зеленую сотку, протянула сотруднице архива. Поблагодарила за копию важной для меня справки, и попросила поискать документы роддома за апрель, может, найдется книга дежурств или выписки новорожденных, какие-то другие документы, позволяющие выйти на фамилию выдавшей справку. Архивариус Аня, вдохновленная второй сотней баксов, обещала, но попросила время. После нескольких переездов не все архивные материалы описаны и ей придется перевернуть гору документов, – объяснила. Я дала свою визитку с телефонами и попросила звонить в любое время, пообещала хорошо отблагодарить, если сможет помочь.

Запел мобильник и высветился номер Софьи Михайловны. Свекровь сообщила, что простыл Игорек, у него температура, капризничает и требует меня. Что было делать? Ждать справку и в случае положительного ответа еще неизвестно как долго заниматься поисками? Я позвонила в аэро-

порт и заказала два билета на вечер, осталась проблема, где оставить машину. Рассчитывала на Владимира Петровича, но он разочаровал. В гараже Администрации не нашлось места. Пришлось обратиться к Сергею Александровичу.

В «Трех вязах» мы оставили номера за собой и поехали в аэропорт.

В восемь вечера в Домодедово нас встретил Илья – охранник и водитель Софьи Михайловны. Мужа моего, конечно, до сих пор не было в Москве. «Дела» держали во Франкфурте.

Не удовлетворив любопытство Комаровских, я первым делом направилась в детскую. Игорек не спал, и, увидев меня, выскочил из кровати, бросился ко мне со слезами.

– Почему оставила меня! Я домой хочу. Не уезжай больше! – хныкал он. Я целовала, прижимала к себе кусочек моей плоти, теплое родное тельце сына.

– Побуду с тобой, но пока болеешь, спать останешься у бабушки.

– Не хочу у бабушки, хочу домой, – плакал ребенок. – Уже выздоровел. Посмотри, из носа не течет, платочек весь сухой. Не кашляю.

Свидетельница этой картины Софья Михайловна заметила, что температура еще держится и внука сегодня не отдаст. Игорек похныкал еще и заснул.

Сели за стол, и я рассказала о первых результатах поисков в Самаре. Георгий Семенович пообещал включиться в поиски, если установлю фамилию сотрудницы, выписавшей справку. Позвонил Кирилл, тоже интересовался результатами розыска сестры.

Ночевать осталась у Комаровских. Утром разбудил Игорек и до завтрака мы играли, потом, несмотря на его рёв, я уехала домой. Хотела увидаться с домработницей Дашей и узнать, как дела в салоне. Дома застал звонок Ланы. Узнав, что собираюсь в салон, вызвалась поехать со мной, поболтать по дороге и что –нибудь заказать себе.

Я взяла «Ауди» Кирилла, заехала за Ланой, и мы отправились в город. По дороге она рассказала, что стукнула свой бумер и сейчас машина в сервисе, а из свободных машин в гараже только джип, ездить на нем по городу не любит. На тусовках обсуждают мой роман с Мишей Халецким.

– Видели вас в «Прадо» и на вечеринке в «Жемчужине». Особенно старается моя коллега Альбина.

– Ей – то, не все равно? – удивилась я. – Они разведены. Имеет кучу любовников и не скрывает. Уж не ревнует ли?

– Кто ее знает. Каждая женщина ревниво относится к своему бывшему.

– Ты – то как, встретила принца?

Лана расхохоталась.

– Принца! Всех моих поклонников интересуют положение и деньги папы.

– Не только. Ты и без папы самостоятельна. Не мало мужиков готовы сложить к твоим ногам свое богатство. Газета «На Рублевке» считает,ходишь в первую двадчатку московских красавиц.

Лана возмутилась.

– Вместе с Машей Маровской, Оксаной Турчак и Устиной Шейниной? Да я с ними в одном туалете ... – Она не договорила. – Нашла, на какую газету ссылаться.

– Не сердись! Я из лучших побуждений.

– И про замужество не напоминай! Насмотрелась, как в вы, замужние, живете. Избави, Бог! Живу в тысячу раз интересней. Материнский инстинкт завести детей пока не проснулся. Проснется, тогда подумаю, как решить проблему.

За разговорами незаметно подъехали к моему салону.

Лана сразу направилась к Луизе смотреть её новые разработки, а Лариса разложила передо мной отчеты за прошлый месяц, села рядом и принялась объяснять цифры. Обычно я не вникаю в детали, доверяю во всем, и слушала лишь ее комментарии. Главное – мы с прибылью. Второй год салон и бутик при нем приносят доход.

– Туники идут нарасхват, я даже позволила поднять цену в бутике, – похвасталась Лариса. – К концу дня уже не купишь – кончается весь запас. Маечки, трикотажные костюмчики большим спросом пользуются.

– Надеюсь, эксклюзив индивидуальных заказов не тиражируешь?

– Что ты, Алена! Разве я не понимаю! Стоит кому-то из твоих приятельниц появиться в одинаковой тунике или хотя бы в однотипной вышивке, нашему делу непоправимый урон. Мы держимся за счет эксклюзива. В продаже хорошо

идут открытые топики, бриджи. Особым спросом пользуются бриджи светло – бежевого цвета с коралловыми рисунками. Съезжу на текстильный комбинат, закажу еще ткани с кораллами.

– Посоветуюсь с Луизой, Варей Матвеевой, какой лучше выбрать рисунок и цвет. На позапрошлой неделе мы с Женей были на ипподроме и мужчины, словно из инкубатора, на всех бриджи в кораллах.

– Мне принесли бриджи с Черкизовки с лейблом «Армани». Сшиты по нашим лекалам. Какой-то кооператив освоил и продает в два раза дешевле наших. А ты не разрешаешь приклеить иноземный лейбл или хотя бы свой «Елена Комаровская».

– Обманывать покупателей не буду – себе дороже. Моя фамилия столичным модницам ничего не скажет. Рублевские и так знают салон. Красивый лейбл, конечно, следовало бы придумать. Просила Лану подумать и подсказать что – нибудь на заграничный манер. Всё думает.

Из своей мастерской вышла Лиза – Луиза, мы поцеловались.

– У Луизы несколько умопомрачительных новинок, – вспомнила Лариса. – Тебе еще не показывали. На демонстрации решили показать и наш трикотаж – платья и костюмы *à la Missoni*. Из твида курточки. Закажу сногшибательную рекламу, раскрутим. Пригласим А. Б., пообещаем присутствие других артистов и депутатов.

– Думаешь, народ придет? Парочку знакомых звезд уговорю, а вот Аллу Борисовну и Филю вряд ли, хотя все их телефоны имею.

– Беру на себя. – Заметила Лана. – Идея неплохая, буду думать.

Лана успела договориться с Луизой о новой кофточке и засобиравлась. Я отвезла ее на Смоленку. В кафе на Арбате у неё очередная встреча – интервью. Она звала и меня послушать интересного художника, но я отказалась и вернулась в салон. После долгого отсутствия накопилось много идей и проблем, требующих моего вмешательства.

Немало идей подбрасывали мне подруги. Многие из них в прошлом были связаны с модельным бизнесом и не потеряли интереса к моде, всегда в курсе что модно, что будут носить в ближайшем сезоне.

Идею с туникой, а потом женские бриджи с тесемками, как у мужских кальсон в стародавние времена, подсказала Варя. Отдыхала с мужем в Майами и познакомилась с популярным французским дизайнером одежды. Он и подсказал, что скоро женщины скинут топики, майки и облачатся в бриджи и тунику.

Варя набросала несколько эскизов, показанных французом, и увиденных на дамах в Майами.

– В тунике можно пойти вечером в шикарный ресторан и театр, а можно и на пляж, в зависимости от вида – ширины и длины выреза на груди, какими расшит цветными тканями,

какие стразы – короче, как и всё, зависит от деталей и вкуса хозяйки. Туника, расшитая серебром и золотом, хорошо сочетается с джинсами. Джинсы или белые хлопковые бриджи отлично смотрятся с узкой вышитой туникой и нарядными босоножками. Француз рекомендует к тунике броские массивные серьги и браслеты. Я считаю, это будет самая комфортная форма одежды

– Самое важное, эти наряды рассчитаны на нас, 25—35 – летних дам, а не на тинэйджеров, – прибавила Лариса.

Луиза горячо поддержала идею и взялась за разработку моделей. В её работах обычно присутствует эклектицизм – смешение стилей, соединение не совместимого. Особенно увлекается отделкой одежды. Ей мало сшитого или связанного по оригинальным лекалам топика или жакета. Обязательно чем-то еще украсит. Бисером, аппликацией, стразами, кусочком бархата или меха. У рублевских дам завоевал популярность её гибрид «крестьянской» блузки и туники, отделанный золотой тесьмой и вышивкой с глубоким вырезом.

С легкой руки Варвары – моей близкой подруги и соседки домами, наши туники завоевывали Москву. Начали с показа коллекции у нас в поселке в галерее «Дача». Все образцы вмиг раскупили. Другая подруга, тоже бывшая модель – Лиля уговорила десяток знакомых заказать себе весенние, а потом и летние туники в моем салоне. Модницы вначале не приняли их всерьез, объясняя, что мода идет из Европы

и никогда из Америки, откуда привезла их Варя. Однако начали заказывать, появляться на тусовках. Не все сочиняли, что привезли из Парижа, кое-кто называл мой салон. Лариса и развернулась! На дополнительные доходы наняла еще специалистов, поставила новые машины и вязальные агрегаты.

С подсказки Лили в нынешний сезон поставили на поток шорты – плавки для мужчин.

Знакомые уговаривают перенести мой салон из города в Жуковку, но высокая арендная плата и конкуренция отпугивают. Конкурировать с Еленой Ярмак, международно — признанной главой империи красоты и роскоши, чья одежда продаётся не только по соседству с ее домом в Рублевке, а и в Нью – Йорке, я не намерена. Я подумывала открыть своё ателье в Жуковке, или в соседних поселках, поближе к дому, но одной мне не осилить переезд, а Кирилл принципиально не желал заниматься этой проблемой.

Как и его отец продолжал считать салон забавой, уговаривал работать лишь с эксклюзивом для состоятельных клиентов, не вступать в конкуренцию с большим бизнесом. Но без выпуска небольших партий одежды для реализации, мой салон разорился бы. В своем бутике мы продаем также экспериментальные и не совсем удачные модели.

Расскажи Кириллу, какая-то подпольная фирма копирует наши модели бриджей и плавок, подрывает нам бизнес, – напомнила Лариса. – Сравнивали. Один в один с наших лекал. Пусть поговорит с Саввой.

– Хорошо знаешь Кириллова охранника? Ждешь, придет братков?

Вспомнила, Савва ухаживал за Ларисой и некоторое время они встречались.

– Савва больше не работает у нас.

Наше производственное совещание нарушил приход Женьки – владелицы фитнес – клуба. Она сухо поздоровалась с Ларисой и Луизой, обнялась и расцеловалась со мной.

– Была вчера в Барвихе в «Luxury Village»?

– На открытии нового бутика? Конечно. С Машей Морозовой и Верой Мамоновой смотрели показ коллекций одежды осень – зима.

– Собиралась поехать, а тут привезли новое оборудование, снаряды, нельзя уйти. Целый день устанавливали, – жалела Женька, что не удалось побывать на открытии

Выслушав информацию о вчерашней тусовке, Женька поинтересовалась, не рано ли пришла.

– Как договаривались, – заверила её. – Так чем можем помочь?

– Готовлю подарок двоюродной сестре. Ее удивить чем-то трудно. Вот и думаю заказать для неё у тебя шляпу или пляжный комплект.

– Давайте сделаем ей тунику, как на вас, а рисунок и вышивку Луиза придумает новые, – вмешалась Лариса.

– Помешались на этих туниках! Только и слышу: заказала жена депутата Митрохина, две туники взяла для себя Жанна

Фролова, наши туники носят Юлия Бардова, Наталья Веткина и Ира Волосова, – недовольно пробурчала Женька, заинтересовавшись, попавшейся на глаза кофточкой. Отложив кофточку, принялась примерять сарафан перед зеркалом.

– Мне нравится, я возьму, Лена?

– Извини, нет! – сказала я. – Лиля придумала рисунок и воротник. В Италии не нашла, обыскала все бутики. Увидела на Венецианском фестивале в каком-то фильме. Пришла к нам, Лариса с Луизой связали. Увидит на тебе, убьет меня.

– Она еще не клиентка! – воскликнула Лариса. – Что сейчас скажу, вздрогните. Дочь Президента, каждый год отдыхающая в Италии, в поместье Берлускони, дала поносить нашу тунику кому-то из внучек Берлускони. Та, в диком восторге, выпросила у нее насовсем. Насколько правда, не знаю, но вчера позвонили из приемной с просьбой изготовить для них три туники. Назвали размер, и Луиза, встречавшаяся с дочерью президента, уверена – для неё! Не хило? Вот так-то, а вы, Евгения Владимировна, говорите, мы помешались на туниках. Нашей одеждой интересуются дети президентов.

– Это правда, Лариса? – спросила я. – Неужели в Италии не шьют ничего подобного? Про себя подумала, будет здорово, если там узнают марку «Елена Комаровская». Права Лариса, необходимо срочно разработать собственный лейбл. – Что ж молчала? Жаль Лана ушла, она придумала бы как воспользоваться сенсацией, засветить салон в печати. Расскажу

ей. Лучшей рекламы не придумать.

– Не знаю, шьют или не шьют, но что заказали для дочери президента три наших туники факт. – Лариса порылась на столе, достала толстую тетрадь и прочитала: – Вот телефоны – Анна Николаевна, из Администрации.

– Когда обещала, будут готовы?

– На будущей неделе, во вторник.

– Как договоришься о встрече с Анной Николаевной, предупреди. Поговорю, предложим еще что –нибудь.

– Плавки для Президента, – рассмеявшись, предложила Женья.

– Почему бы не предложить? – серьезно сказала Лариса и поручила Луизе помочь Жене выбрать модель и рисунок вышивки. Обе женщины ушли в мастерскую художницы. Мы с Ларисой вернулись к финансовым документам.

Позвонила Лиля Каплан и похвасталась, Ира Волосова пригласила ее на светский благотворительный бал в Лондон.

– Придется отвалить тысячу евро, – объяснила. – «Ежегодный российский бал» в пользу русских сирот. Герман не может полететь, говорит, лети одна, знакомых соберется достаточно – не заскучаешь.

– Тоже хочу на бал в Лондон! – загорелась я. – Возьми вместо Германа.

Лилька явно скисла, раскаивалась, что раньше времени поделилась со мной. Вдруг и меня возьмут. Наверняка, хотела одна из нашей компании блеснуть на европейской аристократической тусовке, а потом похвастать перед нами.

– Позвони Ирине. Она, оказывается, возглавляет фонд помощи детским домам, к тому же, знаешь, чья она жена. – Лиля помолчала. – Не уверена, возьмут тебя. Из – за отца Кирилла.

– Причем Кирилл? Я и не собираюсь с ним.

После разговора с Лилькой, сразу же набрала номер Ирины. Она находилась вне дома и разговаривали по сотовому, слышимость неважная, понять можно с пятого – на десятое, но, главное она поняла и обещала поговорить с членами президиума фонда, заверила, что приложит все силы.

Через два дня Ира позвонила, извинилась, что ничего

не получается. В Лондон за свой счет едет небольшая группа известных артистов, писателей и представители финансово — деловых кругов.

Комаровские не последние в российских деловых кругах и в Администрации Президента, — обиженно заметила я, догадываясь, откуда дует ветер.

— Дорогу, конечно, оплачу, пожертвую в фонд сирот, сколько скажешь.

— Ленусь, ты ведь понимаешь, от меня не все зависит. Моя воля, я, конечно, взяла бы тебя.

Она быстро распрощалась и отключилась, а я долго еще держала плачущую трубку. Не первый облом, когда меня из — за фамилии Комаровских не брали на великосветскую тусовку за границей. С подачи недоброжелателей Комаровского — старшего, под него постоянно пытаются копать. Вспоминали уголовное прошлое, не честно добытые капиталы. Будто остальной бомонд титулованные дворяне, князья и графы в пяти поколениях, своё богатство получили в наследство от предков. Мой свекор, можно считать, «честным путем» накопил первоначальный капитал. Будучи деловым человеком, в советское время руководил трикотажной фабрикой, две смены она работала на государство, а в третью, из излишков сырья здесь вязали модные трикотажные кофточки и костюмы. Покупатели за них дрались. Реализовалась «левая» продукция в магазинах, где работали тоже деловые люди. Как и он, в итоге все получили срока от восьми до де-

сяти лет. Деловая хватка, энергия, бывшая из него, помогли выжить на зоне. Убедил начальство привлечь зэков к полезному труду и организовал прибыльное мебельное производство. Лагерное начальство его уважало и через четыре года из девяти, назначенных судом, помогло досрочно освободиться. После зоны на приличную работу, соответствующую квалификации, Комаровского долго не брали. Подоспела Перестройка, и перед энергичными деловыми людьми открылись широкие перспективы. Судимость Георгий Семенович сумел снять.

– Нас, деловых людей, называли расхитителями социалистической собственности, а мы ничего не брали у государства, просто умели из имеющегося сырья, на том же оборудовании выпускать дополнительную продукцию. Помогали государству хоть частично снижать всеобщий дефицит, – любил пофилософствовать Георгий Семенович, выпив. – Нас следовало награждать, а не сажать в тюрьмы. Мы ничего у государства не просили, планы, которые нам спускали, даже перевыполняли. Реально получалось, свою левую продукцию делали из воздуха.

Он не стеснялся своего прошлого и свысока относился к большинству нынешних богатеев. Бывшим директорам предприятий, высоким партийным и административным начальникам, в период приватизации ограбивших своих подчиненных и захвативших не принадлежащую им народную собственность.

– Я никого не ограбил, не обманул, – часто повторял Георгий Семенович. – Всю жизнь «пахал». Умение ориентироваться в менявшихся условиях, перешло ко мне от отца, а ему от деда.

Когда большинство «новых русских» основой своего бизнеса делали «купи – продай», свёкор занимался созиданием. Вошел в компаньоны американской корпорации «Макдональдс», строил в стране, быстро завоевавшие популярность предприятия быстрого питания. Открыл в Москве элитный ресторан, ночной клуб и вовремя сообразил, что сотрудничает с явным криминалом. Перешел в другой бизнес, где пока обходились без криминала – приобрел строительную компанию, строил жилье в Москве и в Подмосковье. Вскоре убедился, что и здесь не обходится без криминала. К этому времени он уже занимал высокую должность и лично ему опасность не грозила. Когда доходы в строительстве стали снижаться, оставил строительство и взялся за внедрение новых технологий в промышленности. Эта сфера деятельности и теперь входит в служебные обязанности его работы в Администрации Президента. Не скрываемое презрительное отношение к выскочкам, быстро поднявшимся из самых низов во власть, снискали ему ни мало врагов и недоброжелателей. Но все попытки уничтожить Георгия Семеновича пока заканчивались безрезультатно. Слишком высокими покровителями сумел обзавестись.

– Я сам себя сделал, как говорят американцы – self—

made man, а ты пришел на готовенькое, – в минуты раздражения, выговаривал он сыну, допустившему очередную оплошность в делах. – Будь рассудительнее, взвесь все за и против, прежде чем принимать решение.

Меня он принял не сразу. Как и Софья Михайловна, мечтал, что Кирилл приведет невинную девушку из знатной семьи. Я же, одного возраста с Кириллом, успела схоронить мужа, прошлое которого вызывало вопросы. Плюс, во мнении Комаровских, было мое увлечение модельным бизнесом, я не бесприданница, не охотница за богатством их единственного наследника. С выбором сына согласились под угрозой, – его обещанием уйти из дома и не знать больше родителей.

Смирившись, Комаровские звали нас жить в их огромном особняке в Усовке. Я, привыкшая к самостоятельности, настояла, чтобы Кирилл переехал ко мне. Буду справедлива, несмотря на первоначальное отрицательное отношение ко мне, и Софья Михайловна, и Георгий Семенович вскоре после свадьбы принимали меня как родную, баловали подарками, в наших разговорах с Кириллом, всегда принимали мою сторону, торопили подарить внука. А когда родился Игорь, души не чаяли в нем.

Жить бы нам с Кириллом в любви и согласии, и умереть в один день, как в сказках, но я по-прежнему, нет – нет, да и вспомню Ваню. Валерий не вспоминался, несмотря на три, вместе прожитых, года. Любила ли я Кирилла? Определенно

себе ответить не могла и в церкви, когда нас венчали.

Фортуна, казалось, повернулась ко мне лицом. Я была счастлива. Кирилл любил меня безумно. Забросил свой бизнес, переложил всё на плечи отца, и мы все время проводили вместе. Меня подхватил водоворот развлечений, не прекращающийся праздник. Кирилл любил театр и привил мне интерес к серьезной драматургии, к искусству. Будучи за границей, дни напролет мы проводили в музеях. Я не просто посетила, чтобы отметить, а довольно подробно познакомилась с Лувром, Прадо, Уффици, Нью – Йоркским музеем современного искусства. Мы объездили весь мир, не побывали лишь в Австралии. Дома с удовольствием проводили вместе вечера, традиционные тусовки нашего круга посещали редко. Чаще я одна, когда Кирилл уезжал в командировки. Стала много читать, понимая, как далеко мне до культурного уровня Кирилла, не говоря о его родителях. Как-то поделилась с Кириллом, не поступить ли мне учиться.

– В МГУ не поступишь, ты забыла всё, чему учили в школе. Конечно, отец может помочь, но тебе будет очень трудно. Ты ведь последние классы проходила в колледже?

– Мы прошли всю школьную программу. Что, если в твою «Плешку», или в какой другой ВУЗ на экономику? Буду помогать тебе в делах.

Кирилл рассмеялся, обнял меня, расцеловал.

– Дурочка, моя! Думаешь, с дипломом буду любить больше? Не надо мне никаких дипломов. Лучше наследником об-

радуи. Папа с мамой ждут, не дождутся.

Я понимала, Кирилл прав, учиться будет нелегко, слишком мал запас школьных знаний. В двадцать пять рядом с семнадцатилетними школьницами?.. Успокаивала себя: не всем иметь высшее образование, у меня есть профессия и диплом, я не плохая портниха, моя работа не уступает фирменной. Кирилл любит, какая есть.

Завидовала подругам, все они что-то окончили. Университет, или иняз, на худой конец, педагогический институт. Для них высшее образование трамплин удачно выскочить замуж, найти обеспеченного мужа. Стараниями мамы я в восемнадцать, когда большинство из них еще грызли гранит науки в своих университетах, и мечтали об олигархах, стала женой одного из самых богатых людей Самары. Через год переехали в Москву, и здесь Валерий не оказался последним в списке московских бизнесменов. Нас сразу включили в круг избранных. Звали в гости, приглашали на презентации и выставки, мы стали завсегдатаями великосветских тусовок. Валера был на «ты» с депутатами Думы и людьми из Администрации Президента. Одно омрачало мне жизнь, как ни пыталась, не могла полюбить его. Валерий старался, делал всё, чтобы полюбила, заваливал подарками, выполнял любые капризы, возил по заграницам, баловал.

– Слишком молода, не понимаешь своего счастья, – успокаивала мама. – Любовь еще придет. Симпатичный мужчина, не урод. Старше на двенадцать лет – не беда, мужчина

должен быть старше. Проживете лет пять, и разница в возрасте не будет ощущаться, поверь мне.

Я пыталась полюбить, жалела его, но почему-то, когда говорила себе, что обязана любить, перед глазами появлялся Ваня. Ах, Ваня, Ваня! Моя школьная любовь! Любовь, от которой не могла избавиться и годы спустя, живя с Кириллом, когда появился мой ненаглядный Игорек. Ванечку буду, наверное, вспоминать до конца жизни.

В нашей коллекции оригинальных моделей одежды набралось достаточное их количество, чтобы устроить общественный показ. Как-то, когда пришла Лана, я попросила её вместе с нами оценить собранные образцы, высказать свои соображения. Дело в том, что я не всё, из предложенного Луизой, одобряла.

– Оригинально! Бесспорно, кого-то заинтересует, – объясняла ей, рассматривая выходное платье на манекене. – Но не одела бы. А ты? – Я повернулась к Лане.

– Не для меня, но вещь талантлива. Я за то, чтобы показать.

Подошли к другим платьям на манекенах.

– Эти тоже. Стремишься удивить людей, показать себя. Одежда должна быть не только стильной и модной, в то же время функциональной и удобной. Представляла бы моде-

ли от Дома Версаче или Гуччи, наверняка, специалисты захлебнулись бы от восторга, хвалили. В нашем случае ты выступаешь от салона необразованной девчонки с Рублевки, с незвучной фамилией Комаровская... Заключают.

Я понимала, основная наша задача – выполнять фантазии богатых клиенток и небольшие партии одежды класса pret-a-porter. Луиза обиделась, Лана попыталась скрасить мою оценку.

– Считаю, все следует показать. Поверьте мне, я практически не пропускаю ни один показ. На моделях смотреться будут по – другому. Специалисты обратят внимание, запомнят автора, будут знать твой салон.

– Луиза замечательный модельер, – поддержала Лариса, – Но некоторые вещи ее, действительно, слишком коллекционные, чтобы не сказать, страдают оторванностью от жизни. Все же, я за то, чтобы показать всё.

– Разделяю ваше мнение, – согласилась я, и обратилась к Луизе. – Не обижайся! Часто мыслю приземлено. Не как модельер, а как менеджер.

– Вкус у тебя отличный, не надо приbedняться, достаточно поднаторела в модельном бизнесе. Платья, конечно, не для массовки. Хотелось поэкспериментировать, нарушить традиции, удивить, – ответила Луиза и мне показалась, обида на меня проходит.

– Мой фотограф снимал это платье? – поинтересовалась Лана, показывая на первое, с которого начали критический

разбор. Луиза кивнула. – О нем напишу подробнее, расскажешь, какую идею вложила, что хотела выразить.

– А теперь сюрприз. – Луиза вытащила из шкафа и набросила мне на плечи воздушное плетеное чудо – пелеринку.

– В салоне связали? – спросила Лана, восхищенно. – Не показывали. Тоже хочу!

– Луиза достала еще одну пелеринку и накинула на Лану.

– Не отдам! – Она подошла к зеркалу, посмотрела на себя, повернулась. – Свяжете для показа другую! – воскликнула Лана и повернулась ко мне. – Оставляю. – Сняла пелеринку с плеч, принялась рассматривать, глаза сияли восторгом. – Хорошо, Лена?

Я пожалала плечами, не зная, как отреагирует Луиза.

– В порядке исключения, как подруге хозяйки, и нашему рекламному агенту, – согласилась Луиза. – Пелерины носили всегда, а в последнее время они снова получают широкое распространение. Пелерину можно использовать не только для выхода в свет. Она не стесняет движений за рулем. Мы с Ларисой подумали, может нам приготовить для показа несколько вариантов?

– Обязательно! – почти одновременно воскликнули мы с Ланой.

Неожиданно возникла мысль, прежде чем устроить общественный показ в Москве, показать коллекцию рублевским модницам. Договориться с галереей «Дача» не проблема. Можно в Барвихе в «Мельнице», или в торговом центре

«Базар».

Лариса с Луизой в один голос запротестовали. Зная мою доброту и покладистый характер, опасались, что рублевские приятельницы растащат коллекцию, а я не смогу отказать им. Коллекцию придется готовить заново.

– Ни в коем случае! Первый показ делаем в городе, – заявила Луиза. – Помню, в прошлый показ, ты все раздала. Нечего не осталось показать потенциальным заказчицам. Пришлось в срочном порядке восстанавливать коллекцию.

Лана пообещала посодействовать, если возникнут проблемы с залом для демонстрации.

– Какие проблемы? – перебила Лариса. – Заинтересовала бы коллекция, а где показать всегда найдется.

– Не скажите, – не согласилась журналистка. – Не меньше коллекции важен зал, где её показывать.

Вместо предварительного показа в Рублевке, Лана предложила, провести черновую демонстрацию здесь же, в салоне, без журналистов. Пригласить близких людей, послушать их мнение, прежде чем показываться профессионалам.

– Не доверяя непрофессионалам, Лариса отвергла идею, а Луиза горячо поддержала репетицию со зрителями.

– Доброжелательно настроенные непрофессионалы скорее дадут дельные советы, – объяснила журналистка. – Вы вступаете в конкуренцию с Домами, закрепившимися на модельном рынке, готовьтесь встретить скептицизм и отрицание специалистов, разгромные статьи.

Я согласилась пригласить нескольких подруг посмотреть коллекцию на живых моделях. Показ наметили на ближайшее время. Я торопилась вернуться к поискам сестры.

Тем временем в Самаре архивариус, с которой договорилась, разобрала тонну бумаг, но роддомовских не нашла и продолжала поиски. Обещала сразу же позвонить, как что-то найдет.

От великосветского бала в Лондоне, Лиля осталась в диком восторге. На следующий день по возвращению, устроила у себя девичник. Не терпелось поделиться впечатлениями и, не дожидаясь наших расспросов, принялась рассказывать.

– Женщины в длинных бальных платьях до полу, мужчины – в смокингах. Фамилии русских гостей: Апраксины, Гагарины, Трубецкие, дальше открывай «Войну и мир» Толстого и продолжай список. Много старушек и стариков, божьи одуванчики, лет под сто, а держатся бодро. У женщин прямые спины, я даже позавидовала. Мне, привыкшей к подиуму, во время танца постоянно держать спину, признаюсь, было нелегко. Побрякушек, драгоценностей на женщинах скромно, зато всё натуральные бриллианты.

Открылся бал «увертюрным танцем». Своеобразное по-пурри из полонеза, мазурки, вальса, еще чего-то. Никто из москвичей, прилетевших со мной, не решились присоединиться к хороводу, пока не раздались звуки вальса, и стройная цепочка пар не распалась.

– Ты – то танцевала? – прервала Лилины восторги Ольга.

– Ой, девчонки, знали бы, с кем только не танцевала! С отпрысками августейшей семьи Романовых, с племянником самого Ротшильда! Знаете, кто такие Ротшильды?

– Читали. Символ европейского капитализма в девятна-

дцатом веке. Сегодня в мире столько миллионеров развелось, Ротшильды не особо котируются, – заметила начитанная Маша. – Далеко не самые богатые.

Лиля пропустила замечание мимо ушей и продолжала хвастать установленными знакомствами.

– Познакомилась с нашей бывшей соотечественницей Настей Вебстер, женой известного владельца английского ювелирного дома Stephen Webster. Видели бы, какие на ней сверкали украшения! Очень простая женщина. Мы разговорились, пригласила, когда буду с мужем, к ним в замок. Меня с Ириной представили князю Григорию Голицыну. Это его дяде посвящена песня Малинина «Поручик Голицын».

И опять Маша не стерпела, прервала любительницу прихвастнуть.

– Седьмая вода на киселе от знаменитого поручика. Тоже в длинном платье была?

– Конечно. Чопорные англичане строго выполняют требования дресс – кода. Русских предупредили: женщины в длинных платьях, мужчины – в смокингах. Мое платье вы видели. Темно – синее из пана – бархата с открытыми плечами. Мужики наши, кто не привез смокинга, взяли напрокат.

– Англичане принимали меня за француженку или итальянку, когда узнавали, что русская, страшно удивлялись. Относились прекрасно. Не будь замужем, не представляете, какие открывались возможности отхватить богатого мужика! Жаль, Алёна, не сумела поехать.

– Только мужа – иностранца мне не достаёт, – заметила я. – Титулованные проверяют родословную на три колена, прежде чем предлагать руку и сердце.

– Иностранец ей не нужен, Лена права.

– Никто мне не нужен. Продолжай, Лиль.

– Ухаживали за мной красавец – англичанин лет сорока, потомок английской ветви царской семьи и французик русского происхождения. Дали визитки, приглашали в гости. Будем с Германом в Европе, обязательно посетим, продолжим знакомства.

Лилька рассказывала с таким восторгом и эмоциями, что оставалось лишь позавидовать ей. Бал, действительно оказался необычным, если произвел на неё такое сильное впечатление. Удивить ее не просто, Лилька бывала не раз на великосветских балах – в Париже, на традиционном Новомоднем в Вене.

– В газетах писали, на балу отличился наш Толя Басов. Не пожертвовал что ли ничего? – спросила я.

– Не знаю. Спел пару неаполитанских песен, потом с англичанкой дуэт из оперы. Всегда его поет на концертах с Монсеррат Кабальен или нашей Рудаковой... Небольшой скандалчик вроде случился, ему не понравился номер в отеле, или место в самолете. Расспросите Ирину, лучше знает.

– Кто еще из наших, присутствовал на балу? – поинтересовалась Ольга. Она поздно узнала о престижной тусовке в Лондоне, и переживала.

– Саша Митрохин, как всегда. Веткин с женой, жена Толи Басова – Светлана, Игорь Лагунов, Алтуш, некая певица – хохлушка из Киева. Депутаты из Госдумы, фамилии разве всех упомяну. Рожи мелькают по телевизору регулярно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.